Кармэль Марголис

Отражение сказки

Книга четвертая. Красавица за Чудовищем

Кармэль Марголис

Отражение сказки. Книга четвертая. Красавица за Чудовищем

«Издательские решения»

Марголис К.

Отражение сказки. Книга четвертая. Красавица за Чудовищем / К. Марголис — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965728-2

Всю свою сознательную жизнь Хани переезжает из горда в город, из страны в страну. Она ищет, и она бежит. Хани не знает точно, что она ищет и от кого бежит. Однажды в бегах Хани набредает на берлогу чудовища. Именно там ей предстоит понять, куда она все время бежит.

ISBN 978-5-44-965728-2

© Марголис К.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 16
Глава 3 26
Глава 4 37
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Отражение сказки
Книга четвертая. Красавица за Чудовищем

Кармэль Марголис

© Кармэль Марголис, 2019

ISBN 978-5-4496-5728-2 (т. 4)
ISBN 978-5-4493-9799-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Хани

Говорят период адаптации длится около двух лет. А вчера моя кузина Барбара вообще сравнила меня с деревом. Она сказала, что если дерево пересадить с одного места на другое, то оно будет болеть в течение четырёх лет, прежде чем свыкнется с новой почвой и пустит новые корни. Люди в Германии просто помешаны на природе. Вчера я стояла на станции Хауптвахе и вижу, как один мужчина лет сорока, прилично одетый, и совершенно непохожий на сумасшедшего, каких тут порой ни мало встретишь, остановился рядом с лестницей и о чём-то с таким серьезным выражением лица спросил свою собаку. Я еще совсем не говорю на немецком, так как провела здесь без малого месяц. Но я приблизительно догадалась о чем он с ней говорил. Наверное он спроси ее хочет ли она подняться на лифте, или же по лестнице. Если не брать всерьез те странности, которые творятся вокруг, то Франкфурт можно назвать вполне интересным городом. Хотя моя кузина говорит, что этот город то еще дерьмо. Но если ее послушать, то все в этом мире полнейшее то самое. Мне вообще как-то не хочется повторять это слово слишком часто. А вот Барбара употребляет его наверное больше тысячи раз в сутки. Кстати, это первое слово, которое я выучила на немецком. Барбара очень неплохо говорит по-русски, но сущности ее можно понять даже без слов. У нее слишком живая мимика. Моей кузине в январе исполнилось тридцать девять лет. Она сказала, что это самый дерьмовый возраст, потому что в этот период понимаешь, что молодость утекает, а старость не за горами. Будь она русской женщиной, то была бы заядлой матершиницей. Но все-таки немецкий наверное не так богат матерными словами как мой родной русский. Русский матерный это вообще самостоятельный язык, на котором можно одним словом обозвать разные детали и людей, но при этом все будет понятно. Барбара же в основном употребляет выше упомянутое слово на все случаи жизни. Даже тогда когда она рада. Причем произносит она всегда его с такой смачностью, что порой мне кажется еще немного и это слово воплотится на ее устах. Вот было смешно, если бы каждый раз когда она произносит слово «Дерьмо» оно бы выпадало из ее уст. Может быть тогда она отучилась бы его так часто употреблять. Хотя лично мне оно никак не мешает. Потому что моя кузина несмотря на то, что курит как паровоз и ругается направо и налево, очень юморная и интересная личность. Одна ее прическа чего стоит.

Когда я в первый раз оказалась в громадном франкфуртском аэропорте, то в глаза сразу же бросилась именно ее прическа. Даже если бы она не держала табличку с моим именем, я бы все равно обратила внимание именно на нее. Она стояла юбке, какие носят японские школьницы. Черные гольфы прикрывающие ее худые колени, и огромные башмаки с пестрыми шнурками. Сверху на ней была белая шуба, из лисиного меха. Но больше всего меня удивила ее прическа. Нет, не было ничего вычурного или замысловатого. Просто я в своей жизни никогда не встречала взрослую женщину с выбритым черепом. Ну, то есть не прямо-таки чтобы до блеска. Около пяти миллиметров волосы все же густо торчали на ее красивой округлой голове. Но все равно, в Новосибирске я ни разу не видела женщину лет сорока с таким причудливым стилем в причёске и одежде. Знаете, что она мне сказала, когда увидела меня в первый раз? Может уже догадались? Она сначала осмотрела меня с ног до головы, криво поднял верхнюю губу, наморщила лоб как будто при виде чего-то отвратительного, а потом так и сказала на ломаном русском: «Вот дерьмо! Хотя нет… нормально»

Я слышала, что немцы не любят когда на них долго смотрят в упор. Поэтому я рассмотрела ее со спины, когда она вела меня по просторам второго терминала к выходу. Судя по тому как Барбара неуверено двигалась, я поняла, что она не так часто бывает в аэропорте. И как она потом сама призналась, что ее не было здесь больше двадцати лет.

Теперь немного о ее внешности. Если не брать в счет ее чудной прически, то ее можно было бы назвать даже красивой. На овальном лице отчетливо выделяли ее не соразмерно большие влажные глаза. Белки были немного желтоватые, и напоминали табачный дым. Зрачки серо-зеленые как у папы, и ресницы каштановые длинные завивающиеся почти до самых тонко выщипанных бровей. Нос правда у нее крупноватый, а губы тонкие. Но мама всегда говорила, что глаза составляют восемьдесят процентов красоты. А так как глаза у Барбары красивые, то значит можно просто опустить эти мелкие недочеты на ее лице. Что касается фигуры, то в свои года выглядела она вполне хорошо. Не такая высокая, но стройная и подтянутая. Она немного сутулится, но это даже как идет ее стилю и неторопливой походке.

Когда я была Москве и стаяла в очереди за получением визы, то наслышалась о Германии всяких там предрассудков. Например, что все немцы писаные красавцы, а немки невзрачные. Может быть потому что когда-то давно всех красивых женщин в Германии считали ведьмами и сжигали на костре. Или что немки вообще не любят наряжаться и одеваются очень просто и даже безвкусно. Не знаю как там другие немки, но моя кузина опровергала напрочь все предрассудки. Не буду спорить, что вкус в одежде у нее странноватый, и все же, чтоб так одеться это ведь нужно постараться. И вообще я не люблю всякие там предрассудки и предубеждения. Я вполне могу сама построить мнение о немках, немцах и о стране в целом. Это касается и Барбары тоже. Прежде чем мне сюда приехать, моя мама сто раз предупредила меня, чтобы я была осторожна, так как Барбара по ее мнению очень экстравагантная личность. Она в два счёта может испортить человека, и в особенности такую наивную дуру как я. Так по крайней мере сказала моя мама. Она читает, что влияние Барбары очень сильное. А так как мне предстояло жить с ней какое-то время, то я должна быть очень внимательной.

Сейчас мне кажется, что мама так говорила, потому что она совсем не знает Барбару. Да, она немного не от мира сего, но не такая она уж и плохая. И за месяц прожитый с ней, я ни разу не заметила, чтобы она как-то пыталась меня переделать. А вот мама всегда была мной недовольна. Все ей во мне не нравится. В особенности моя прическа. С тех пор как мне исполнилось двадцать, мама всегда только и делала, что бранила меня за то что я убрала челку. В детстве у меня всегда была челка, потому что у мамы она была всю жизнь. Мама просто как кремень в этом отношении. С челкой девушка выглядит моложе, милее, красивее. А я терпеть не могу челку. У меня от нее прыщи на лбу, а когда голова грязная, то первое что выдает этот факт, так это челка. А еще за ней нужно ухаживать, чтобы она не прилипала ко лбу будто ее прилизали жиром. Да и в глаза лезет. Отрезать ее нужно регулярно. Под шапкой постоянно мешается, а после шапки торчит во все стороны. Короче, головная боль с этой челкой. Путь уж лучше я буду выглядеть старше и грубее, чем ходить с этой челкой. Вот у Барбары совсем нет ни челки ни волос, и все равно она красивая. То есть для мамы конечно нет, но на мой взгляд очень даже симпатичная и интересная личность. Хотя о ее жизни я мало знаю. А меня предупредили, что немцы не любят говорить о личных вещах даже с родными. Особенно нельзя говорить о зарплате. Ее зарплата меня мало интересовала, но вот о ней самой мне бы хотелось узнать побольше. Мы уже месяц живем вместе и все что я о ней знаю, так это то, что она увлекается японской рок-музыкой, выкуривает по пять сигарет в день, покупает продукты в биомаркете, безумно любит азиаткою кухню, преподает немецкий в языковой школе, ни разу не была замужем, не любит собак, обожает морских свинок, абсолютная фанатка яблок, и считает Париж самый дерьмовым городом по всей Европе. Иногда к ней на дом приходят ученики, порой это бывают взрослые мужчины из Турции, Сирии, Испании и так далее. Но чаще всего это молодые ребята-иностранцы. Я заметила что среди ее учеников больше представителей сильного пола. Скорее всего двушкам сложно с ней. А мужчинам напротив, очень даже комфортно. В течение часа она им преподаёт не только немецкую грамматику, но и основы немецкого юмора. Вот еще один предрассудок о том, что у немцев нет чувство юмора. Может быть это конечно и так, но Барбара явное исключение из этого правила. Еще что стоит отметить

о моей дорогой кузине так это, то что помимо взрослых учебников, другие мужчины к ней не приходят. Она наряжается исключительно на работу или для походов за биопродуктами. На свидания она не ходит. Есть у нее ухажеры, но нет любовников. Ближе чем проводить себя до станции Цаиль она никого не подпускает. Именно на этой станции располагается школа, где она работает больше десяти лет. В эту школу она меня и зарегистрировала. Шестого февраля с понедельника начинается мои занятия. Жду не дождусь. А то уже надоело слоняться тут и ни слова не понимать. Хотя во Франкфурте почти каждый второй говорит на английском, но ведь я и на нем говорю не очень хорошо.

Барбара

Да, жизнь порой играет с нами в злую шутку. Жила себе спокойно, никого не трогала, никому не мешала во всеобщей мышиной возне. Видимо в прошлой жизни я сделала что-то ужасное, потому теперь мне на голову выпало такое наказание. Нет, я не против того, чтобы со мной кто-то жил, поэтому я и завела себе двух морских свинок. Но то что прилетело ко мне из Новосибирска, это сложно понять даже если я подключу все свое человеколюбие. Моя так называемая кузина Хани… Мне даже стыдно будет называть ее своей родственницей. Надо всем на работе сказать, что она моя постоялица. Скажу, что просто сдаю свою вторую комнату на подселение. Не то чтобы она такая уж ужасная. Веселая вроде, смешная, не спорит, всегда внимательно слушает, аккуратная, убирается чисто, а самое главное готовит еду так как я люблю. В этом мне с ней очень удобно. Но каждый день видеть ее это просто ад для моих глаз. Девушке уже стукнуло двадцать пять лет. Я никак не возьму в толк, как же можно так себя запустить. Вроде и не дура, но выглядит именно так. Все в ней как-то не складно и неправильно. Ростом и фигурой она не удалась: маленькая как подросток, костлявая, угловатая, не складная какая-то. От женщины в ней нет ничего. Просто будто остановилась в развитии лет так в четырнадцать. Мордашка ну точно как у мыши. Все такое мелкое. Нос пипочкой, губы в кучу, а вот лоб целый аэродром. Вот глаза у нее интересные: наружные уголки чуть приподнятые, ресницы бесцветные, но очень густые, зрачки черные огромные почти что на весь глаз. Именно глаза делают ее чуть похожую на кошку. Именно глаза смягчили мое первое впечатление, когад она повилась в дверях терминла. А так в целом, некрасивая она. Но справедливости ради нужно признать, что есть в ней нечто привлекательное. Вот когда она улыбается, или когда долго завороженно слушает, то в как-то преображается, и становится очень даже ничего такой. Но даже это не спасет ее от той дерьмовой прически, которую она носит. Даже прической назвать это будет преступлением. Просто бесформенный, короткий хвост на затылке. Волосы у нее густые, черные, лишенные блеска, секутся во все стороны. Их будто взяли в пучок и безжалостно обрубили кухонным ножом. Теперь она собирает их в толстый короткий хвост. И вот я каждый день должна видеть этот туалетный ершик у нее на затылке. За что мне такое наказание? Дело дрянь. Никак не могу это исправить. Не могу же я ее выгнать. Помогу ей первые восемнадцать месяцев, потом пусть ищет себе другое жилье. А я свой долг перед своим дядей Ульрихом выполню. Все-таки ее папа родной брат моей мамы. Хороший он человек, миролюбивый и добрый. Я его всего пару раз видела, да и то будучи еще совсем ребенком. Не могу поверить что у такого высокого статного красавца как дядя Ульрих родилась такая невзрачная дочь. Насколько я помню глаза у него серо-голубые, волосы светло-русые, а сам он высокий и стройный. От него Хани унаследовала только природную худобу. Да и мать у нее тоже нормальная. Чернобровая, круглолицая казашка со странным именем Бану. Не прямотаки чтобы красавица, но и не такая мышь как ее дочь. Ну да ладно, если не обращать внимание на ее одежду, и смотреть на нее только спереди, то вполне можно с ней общаться. Девочка то вполне умная. Окончила литературный факультет. Говорит очень грамотно и красиво, лицо у нее не жабье, глупостей не мелит. Наивная и открытая как дитя, но может это и не плохо. Зато не обманет. Думаю, что общаясь с ней я подтяну свой русский язык, а то с тех пор как

умерла моя мама, я совсем забросила говорить на нем. Одно только слово хорошо произношу, но зато оно самое важное. Ведь куда не погляди, а все одно и то же; дерьмо да и только.

Короче раз уж решила я взять ее под свое крыло, то нужно как следует ей помочь. А то в этом ублюдком городе полно ушлых придурков. Она могла бы, конечно, пойти в языковую школу сразу же как приехала, как раз тогда стартовал уровень А1,1, но лучше пусть подождет месяц и в мою группу попадет. Будет учить немецкий под моим наблюдением. А то в нашей школе полно идиотов и игнорантов, которые ни хрена не учат, а так только задом крутят. А немецкая грамматика это вам не шутки. Если неправильно поймешь изначально, то потом всю жизнь будешь разговаривать на собственном диалекте. Так что буду ее сама лично обучать. Устрою ее там на мини-работу. Пусть вытирает пыль, поливает цветы, моет туалеты, убирает нашу мастерскую. Хоть какие-то деньги да будет получать. Посмотрим что из этого выйдет. Хотя идея эмигрировать в незнакомую страну одной я считаю полнейшим бердом. Пусть у нее хоть десять немецких корней, но все равно, когда тебе двадцать пять, то уже бы нужно осесть там, где тебе привычнее. А тут ведь придётся все по-новому начинать. Я тут с ней нянчиться долго не собираюсь. Вот выучит язык, и пусть отравляется куда-нибудь подальше со своей щеткой на затылке. Мне со свинками живется неплохо.

Лукас

За окном глухая ночь. Счастливые те люди, которые спят безмятежно и крепко, которым неведомы муки бессонницы. Для меня же ночь – это время когда против моей воли воскресают призраки моего прошлого. Они преследуют меня, я снова и снова слышу их голоса. Вся моя комната наполняется криками, плачем кровью. Я вновь и вновь вижу их перед своим собой. Слышу их укоры. Неужели вся моя жизнь будет течь именно так? Каждую ночь я молюсь, каждый раз исповедывая перед Богом мои преступления и грехи, но все тщетно. Я живу так же как жил, и ничего не меняется.

Восемнадцать лет назад я покинул свою родину, думая что здесь я смогу начать новую жизнь. Я просто сбежал от того, с чем был не в силах больше бороться. Но каждую ночь они воскресают в моей памяти, как злые черти. Приходят, чтобы мучить, чтобы украсть мои сны, мой покой. Ни разу, с тех пор как поселился в этом шумном городе, я не спал ночью как полагается всем нормальным людям. Я смотрю на часы, время половина третьего. Сейчас должен проехать скоростной поезд, и чуть дрогнет пол, и качнется кровать. В четыре часа утра проснется мой сосед, у которого уже давно не все в порядке с головой. Он начнет неистово орать и браниться. Потом по всей видимости, кто-то из родных войдет в его спальню и успокоит его. Я живу в этой квартире с тех пор как приехал сюда. В нашем доме четыре этажа, на каждом этаже живут по две семьи. Иногда с балкона до меня доносятся громкие беседы соседей с первого этажа. Там живут итальянцы, а итальянцы просто по своей сути не могут разговаривать тихо. На втором этаже живет моя коллега Барбара. Она тоже уже давно тут обитает. Видимо она уже старая женщина, хотя все старается выглядеть по молодежному. С тех пор как я тут живу мы разговаривали с ней только один раз. Когда я окончил университет, каким-то образом Барбара это узнала и предложила временно поработать у них в школе, так как там половина учителей загрипповала. Я до сих пор не знаю как она узнала, что я преподаватель немецкого. Но десять лет назад я подал заявление в эту школу, и с тех пор там работаю. Ничего особенного в этой школе нет. Все те же неудобные учебники, та же программа. Время идет. Я веду одну группу за другой. Эмигранты не особо стараются, морщатся, ноют. Говорят что немецкий безумно сложный, и им никогда его не выучить. Но меня не особо расстраивает: выучат они немецкий или нет. Со свой стороны я стараюсь выполнить все что нужно, все на что меня хватает. Просто следую программе учебника. Год за годом объясняю одну и ту же грамматику, одну и ту же структуру. В этой школе как в моей жизни: мало что меняется с годами. Недавно я довел очередную группу до уровня С1.1. Дальше их соединили с другой параллель-

ной группой, так как в моем классе уже не доставало учащихся. Меня это даже немного изумило. Обычно на уровне B1.3 мой класс начинает редеть. Некоторая часть эмигрантов переходят в параллельную группу, но большая часть сдают экзамен и начинают работать. Но эту группу я вел рекордно долгие сроки. Правда под конец у меня их было только семь, поэтому и пришлось принудительно расформировать эту группу. А со следующей недели начнется все заново. Мне дадут две группы. Одну я должен начать вести с нуля, а в другой я должен заменять Сабину, которая вечно чем-то болеет. Обычно, я не беру больше одной группы. После обеда я веду кружок лепки и гончарного искусства в нашей мастерской. И мне этого вполне хватает. Но когда нужно заменять этих вечно гриппующих, то приходится отказаться от своего темного уголка в мастерской, и торчать в классе еще добрых полтора часа. Вчера на электронную почту пришло письмо, что новую группу я буду вести на пару с Барбарой. С того дня как она обратилась ко мне с предложением поработать у них, я с ней больше не разговаривал. Мне приходилось сотрудничать со многими учителями. Они вели себя отстраненно, держали дистанцию как я и люблю. Просто присылали мне то, что было пройдено, и план на новую неделю. Но вот Барбара – это особенная личность в коллективе. Там где она, там всегда шумно. А шум я терпеть не могу. Придется как-то приспособится. Надеюсь она не раскроит мне мозг за эти четырнадцать месяцев.

Хани.

– Идиотизм! – гневно вскричала Барбара.

Я уже привыкла к ее таким выпадам, поэтому просто неспешно вошла на кухню и спросила все ли в порядке. Кузина сидела за столом перед открытым ноутбуком. Раз шесть подряд она произнесла свое излюбленное слово, я потом начала причитать на немецком. Наверное она просто ругалась, но немецкий, для тех кто его еще совсем не знает, звучит как набор угроз.

– Что такое? – спросила я.

– Вот дерьмо. – выплюнула она на ломаном русском. – Я должна работать с этим чокнутым. Нет, нужно срочно пойти сегодня в бюро и спросить, можно ли что-то изменит в расписании. Пусть он работает с Сабиной. Они хорошо друг друга дополняют. Больная на голову старушка вполне была довольна сотрудничеству с таким, как он. Но я не выдержу с ним и дня.

– Ты о ком? – спросила я, подсаживаясь.

– Наш сосед Лукас. Ты его видела пару раз.

– Это такой высокий, с третьего этажа?

– Угу.

– Так он что, работает в вашей школе?

– Да. На мою беду. Черт меня потянул за язык предложить ему падать заявление в нашу школу.

Барбара взяла сигарету и вышла на балкон.

– Он ни одну группу не может довести до конца. Все сбегают от него раньше положенного срока. Все кто с ним работает на пару, рассказывали, что ученики жалуются на то как скучно и неинтересно проходят занятия.

Голос Барбары звучал приглушенно и густо, то ли из-за сигаретного дыма, который будто комом застрял в ее горле, то ли из-за досады, которая переполняла ее. Барбара говорит с небольшим акцентом, звучно и с придыханием произнося такие согласные как «д» «т» «к». Она произносит их так будто после этих букв у нее всегда стоит короткий звук «ч». Поэтому ее русский всегда звучит так, будто бы она чертыхается и плюется. В особенности сейчас когда она в таком гневе.

Я налила себе кипяченной воды, добавила себе туда ложку меда, и на фоне чертыханий долетавших с балкона, погрузилась в раздумья. Наш сосед Лукас, который работает с Барбарой в одной школе. Я вспомнила как однажды зимним утром я вышла, чтобы прогуляться

вдоль небольшого лесочка рядом с домом. Время было около половины девятого. Барбара уже в это время была на работе. Язаперла дверь, и двойной щелчок в замочной скважине разнесся по всему подъезду, и в эту же секунду до меня тут же долетелись похожие звуки с третьего этажа. Потом послышались неспешные грузные шаги, будто кто-то ступал на всю стопу сразу. Подняв глаза я увидела нашего соседа. Это был высокий светловолосый мужчина лет тридцати пяти, может чуть меньше. Держа руки в карманах куртки, он не спеша спускался по лестнице. По мере того как он приближался, я смогла разглядеть его полностью. Я уже слышала, что немецкие мужчины красивы от природы, но такого я видела в первый раз. Как будто бы в насмешку над женщинами Господь наделил его самыми приятными чертами лица. Статный, хорошо сложенный, с блестящими волосами цвета золотистого льна. Ровный нос, аккуратный рот, чуть прикрытые, но очень большие глаза. Была в его красоте какая-то волнующая нежность от женщины, и пленительная строгость и твердость от мужчины. Я не падкая на мужскую красоту. Много всяких красавцев появляются на свет. И нет в этом ничего особенного для меня. Еще в универсанте девочки прямо-таки с ума сходили по смазливым лицам. Но мне нравились обычные лица с недостатками. Потому что именно недостатки делают личность незабываемым и особенным. Но вот это было в первый раз, когда идеальное лицо мужчины, заставило встрепенуться мою внутренность. Когда он поравнялся со мной, я вежливо поздровлась с ним, но он не поднимая глаз прошел мимо, не удосужив меня ответным приветствием. Нет, мне не было обидно или как-то неловко. Мне показалось, что это именно так и должен реагировать мужчина с таким лицом. После того дня я специально выходила на улицу именно в половине девятого. Он был пунктуален как мы и привыкли думать о немцах, появляясь на лестничной площадке с точностью до минуты. Я делала вид, что закрываю дверь, а когда он проходил мимо, то снова здоровалась с ним. Но он был тверд в своей позиции: он проходил и не здоровался. Мне это понравилось. Было похоже на игру. Кто же поломается? Он настойчиво не здоровается, а я настойчиво здороваюсь. Интересно чем же это закичится. Однажды ведь он должен ответить. Мне ведь ничего не стоит приветствовать его каждое утро. Это просто вежливость. Ну и еще я просто обожаю заключать одностороннее пари. Обычно я выигрываю. Посмотрим как будет в этот раз. Так продолжалось в течение месяца, пока я ждала когда начну ходить в школу. Я здоровалась, он игнорировал, а я внутренне смеялась этой затеи. Теперь же я узнаю, что он работает в школе Лингвакооператив. Если же он стоит в расписании с Барбарой, это значит что он будет вести занятия в том же классе, где буду учиться и я. Значит первые полтора часа нас будет обучать Барбара, а вторые полтора часа наш сосед Лукас. Интересное совпадение. Теперь-то ему придется со мной поздороваться. Подумав об этом, я невольно хихикнула.

– Что смешного? – рявкнула на меня Барбара.

Я замотала головой, так как не хотелось врать, но правду она бы не восприняла с радостью.

– Это все Осаид. Он ненавидит меня уже целый год. И все потому что я накормила его свининой.

Я даже поперхнулась.

– Что ты сделала?

Барбара хлобно захохотала.

– А я тебе разве это не рассказывала? Эту историю вся школа знает. Осаид недавно получил должность заместителя директора школы, и с тех пор ходит будто так будто ему сама фрау Меркель на грудь ордена повесила. Прямо зло берет. Ходил раньше так тихо и скромно, глаза боялся поднять. А это вдруг так осмелел. Стал ко мне подкатывать. Отослала раз, отослала два. На третий раз решила его проучить. Пошли мы с ним в ближайший ресторан после занятий. Заказала я себе блюдо с каким-то замысловатым название. Принесли что-то вроде жульена, только почему-то в слоенным тесте. Меню у нас тут же забрали, но я успела прочитать, что готовили его на свином сале. Вот сидит значит передо мной бородатый смазливый Осаид, чистый

мусульманин. Придерживается всех постов, и даже за руку с женщинами не здоровается, так как намаз читает. Говорит, что так как он молится, то он чист. А вот мы женщины получаемся грязные. Не приведи Господь ему нашей руки коснуться. Осквернim же его. Мне было так противно от всего этого. Я ему свою тарелку пододвигаю и предлагаю попробовать. Всячески расхваливаю блюдо, улыбаюсь ему, как могу. Он весь поплыл от радости, так как привык что немцы никому не разрешают лезть в свою тарелку. Так ему польстило, что для него я сделала исключение. Но все же засомневался гад. Говорит что прежде чем есть ему нужно точно удостовериться, что там нет ничего нечистого. Я сказала, что он может подозвать официантку и попросить у нее меню. А через пыть минут я встала из-за стола, вроде как в туалет отпросилась. Проходя мимо барной стойки я притянула к себе одну молоденькую официантку и с очень серьёзным лицом сказала ей: «Послушайте, уважаемая. Вон за тем столиком сидит красивый мужчина из Дамаска. Он спросит вас, есть ли в моем блюде свинина. Вы должны сказать, что нет и не в ком случае. Хорошо?» Девушка выслушала, а потом такая захлопала ресницами и говорит: «О, нет. Там есть немного свинина. Мы ведь поджариваем его именно на свином сале.» Тогда я твердо коснулась ее руки, наклонилась как можно ниже, и заглянув ей прямо в глаза, затем очень настойчиво и строго повторила; «Нет, вы меня не поняли. Послушай сюда, если этот молодой человек из Дамаска спросит вас есть ли в моем блюде свинина. Вам нужно сказать, что нет, и не коем случае. Хорошо?» Она смутилась и быстро закивала. На моем твердом лице появилась улыбка, и я пошла в туалет. Когда я вернулась, то увидела как он беседует с этой же официанткой. «Нет, ни в коем случае» – ответила она, вежливо улыбаясь. Я присела рядом, отрезала кусок и подала ему. Он съел с большим удольствием. – Барбара откинулась на спинку стула, сипло хихикнула и продолжила; – Видела бы ты как поджались пальцы на моих ногах, пока он дожевывал этот кусок. Потом он конечно же об этом узнал, и теперь даже не здоровается со мной. Знаешь он сказал своему коллеге, что все это так не оставит. Видишь уже начал мстить. Вообще ты знай если со мной однажды что-то случится, то ты как моя ближайшая родственница должна подать заявление в полицию именно на него.

– Перестань говорить так. – сказала я, разволновавшись.

– Ну короче, ты видишь, что он все же подложим мне свинью в виде такого напарника как Лукас.

– Лукас свинья? – спросила я.

– Нет. Ты что? Лукас – это ходячая энциклопедия. Он очень умный. Окончил университет на самый высокие отметки. Один мой ученик, который ходил ко мне на репетиторство, рассказал, что Лукас изучал германистику и дидактику. Он был лучшим в своём потоке. Так я и узнала, что мой сосед в своем роде гений. Но только ведь я не учла странности в его характере.

– А что с ним не так?

– Не знаю. Просто как все гении он немного дебил. Ходит сам с собой, ни с кем не разговаривает. Какой-то аутичный, забитый. Но на занятиях хорошо объясняет грамматику, потом дает упражнения с учебника. Грузит учеников рутиной. Это может и неплохо. Только ведь учащимся хочется больше практиковать язык в речи, а он почти не разговаривает на отвеченные темы. Ну может выслушать и все. Короче, даже если он и гений немецкого, да только преподаватель из него дерьмовый. Все от него сбегают. Хотя бывали на него жалобы, но уволить его не могут, так как он никаких правил по сути не нарушает. А бывали даже такие чудаки, которым он нравился. Они даже вступались за него. Может из жалости, не знаю… Но, чтобы удержать свою группу мне теперь придется за двоих пахать. Нужно пустить в ход все свое обаяние. Что я тебе тут рассказываю, ты ведь сама сможешь все увидеть.

Барбара поднялась со стула и снова заковыляла на балкон.

– Осаид! Дерьма кусок! – гневно вспрыснула она на всю детскую площадку за балконом. – Мало тебе было свиного сала! Нужно было еще тебе раскаленное железо в штаны влить!

Барбара

Двадцать человек в одной группе! Они сошли с ума! Больше пятнадцати человек ведь не положено. Мы что должны тесниться как селедки в банке?

Меня прям всю выворачивало от такого начала. Нужно срочно увольняться отсюда. Хватит уже терпеть это ублюдство.

– Morgen! – кинула я своим новым ученикам в своей привычной манере.

Они ответили тем же, некоторые даже чуть привстали. Сейчас начнется мой любимый театр. Начну им по пальцам объяснять каждое слово. Как правило, люди, которые приходят изучать язык с нуля, все же кое-как, но говорят по немецкий. Исключение думаю будет составлять моя кузина Хани. Хотя прежде чем сюда приехать она все же сдала кое-как тест на уровень А1. Ума не приложу как ей это удалось. Она совсем не говорит по-немецки.

– Ich heisse Barbabra. Ich komme aus Deutschland. Versteht ihr? – начала я медленно, заглядывая каждому чуть ли ни в рот, и активно жестикулируя.

Твою мать, прям как в детском саду.

– Und du? – обратилась я близ сидящему ученику.

И тут все пошло по кругу. Они начали представляться, смущаясь, чуть краснея. Некоторые нарочно дурачились. Обычно так вели себя ребята из Эритреи или Кении. Их хлебом не корми дай только посмешить народ и самим вдоволь поржать. Беженцы из Сирии держались, как всегда, чуть недовольно и высокомерно. Вот они всегда ведут себя так будто им все что-то должны. Студенты из Китая старались чеканить каждое слово, хотя у них все получалось наоборот. Их китайский немецкий расплывался как блин по сковороде. Были еще студенты из Македонии, Румынии, Хорватии, Молдавии, Киргизии, Грузии и еще откуда-то. Я не стараюсь запомнить их сразу же. Хани оказалась единственной ученицей из России.

Итак, 6 февраля 2017 года стартовал уровень А1.1, где училась моя кузина Хани из Новосибирска. Мы начали, как обычно, с приветствия, чуть поиграли, посмеялись. Мне нравится этот момент, когда мы только начинам знакомиться. Все еще пытаются держать себя вежливо, и показать себя с лучшей стороны. Это потом они привыкают и уже даже не стараются произвести впечатление друг на друга и на меня. А вначале они слушают меня чуть ли ни с открытым ртом. Вот было бы так всегда так как в первую неделю: все приходят вовремя, никто никуда не отпрашивается, все сидят тихо, делают все задания. Рай для моих глаз и ушей. Сегодня мы прошли только базовые фразы такие как например: «Меня зовут так-то. Я приехал от туда-то. Мне столько-то лет. Моё хобби такое-то. Я по профессии тот-то…» Завтра мы начнем с алфавита. А сегодня просто поиграем.

Хани держалась очень хорошо. Мне кажется, что она очень выделятся среди всех них. Есть в ней нечто притягательное, особенно когда она улыбается. Сразу из мыши превращается в цветок. Или мне так только кажется. Посмотрим как дальше пойдет, но произношение у нее уже сейчас очень хорошее, в отличие от ее сокурсников. Больше всего меня забавляет тот момент, когда ко мне приходят еще совсем новенькие, которое нахватались вершков языка и пытаются что-то говорить. В земле Гессен есть свой диалект. Люди тут шикают, и вместо привычного «Ихь» тут можно часто услышать произношение «Ишь». И вот, значит приходят ко мне ученики на уровень А1.1 и мы начинаем знакомиться. Я специально демонстративно и нарочито ясно произношу так: «Ихь хайсе Барбара» что значит «Меня зовут Барбара», но мои доблестные ученики, наслышавшись гессенского диалекта так же медленно и с расстановкой произносят: «Ишь шайсе…», что в переводе означает никак иначе как «Я дерьмо…» Еще один рай для моих ушей.

После всей этой возни у меня по расписанию еще одна группа, но там уже В1, с ними привычнее и легче. Потом я до трех часов веду кружок лепки и домой.

Меня вот что удивило: когда я пришла домой, Хани сказала, что нашла работу. Сказала что будет поливать цветы, вытирать пыль, и прибираться в гончарной мастерской после заня-

тий. Надо же, я об этом только подумала, а она уже подала заявление, и ее уже даже приняли. С таким темпом она тут не пропадет.

– Ну и как твои впечатления? – спросила я.

– Мне очень понравилось. – сверкая глазами сказал она. – И почему ты сказала, что Лукас – дерьмо-учитель? Он вполне нормальный. Образованный и терпеливый. Никакой он не дебил.

Она меня прям насмешила. Думаю она одна из всего класса так считает. Она вообще всем всегда довольна до ушей. Даже бесит порой. Все ей нравиться, все люди у нее хорошие, все особенные, интересные, добрые и так далее. Мне покрой кажется, что мой дядя Ульрих воспитывал ее где-то в отдаленной пещере, где только цветы да бабочки. Не знаю почему она так себя ведет. На умственно отсталую вроде не тянет, но что-то в ней все равно не так. Нельзя ведь прожить до двадцати пяти лет в этом скотском мире и быть такой наивной. Но я не преследую цель ее перевоспитать или изменить. Мне и свих шлаков хватает в жизни. Пусть будет такой раз ей так хочется, раз ее горе-родители позволили ей такой вырасти. К тому же мы немцы какие? Правильно, толерантные ко всему! Любое дерьмо можно положить нам в рот и мы его с радостью и проглотим. А если откажешься, то ты «Фу! Гнусный и ничтожный человек, который не умеет быть либеральным.» Дискриминация в нашей стране строго запрещена законом. Хотя никто не будет отрицать, что этот закон часто нарушается самими же немцами. Ну не будем об этом.

– Как тебе твоя новая группа? – спросила я Хани, пока она накрывала на стол, хотя я уже знала что она ответит.

– Мне нравится наша группа. Разношерстная, веселая. Есть много, чему поучиться. Сложно было только потому что Нина из Грузии и Ильгиз из Киргизии постоянна разговаривают на русском. Это немного отвлекает, а так в целом мне очень понравилось. А тебе?

– А что мне? Я их еще не знаю. Пока что все вы для меня на одно лицо.

– Но ведь мы сегодня познакомились.

– И что? Нужно как минимум неделя чтобы вас всех заполнить хотя бы по имени.

– Скажешь тоже. Тут запоминать нечего. – рассмеялась она в ответ.

И тут она меня просто удивила. Я, так, с насмешкой сказала, чтобы она перечислила всех по порядку, а она пожав плечами как начала:

– Аммар двадцать семь лет, из Сирии, играет в шахматы, химик-технолог по профессии. Елена из Молдавии двадцать три года, замужем. Медсестра по специальности. Нина из Грузии, двадцать четыре года, работает няней в данный момент, смотрит футбол и все новости связанные с ним. Адиль из Ирака, двадцать семь лет, разведен, играет в волейбол, временно безработный. Ильгиз из Киргизии, двадцать один год, играет футбол каждую субботу в парке Ост с командой узбеков. Хихи из Китая, тридцать пять лет, пианистка…

И так далее пока подробно не перечислила всех в том порядке в каком они сегодня сидели.

– Что с тобой не так? – испуганно спросила я. – Как ты так их запомнила?

– Не знаю. – пожала она плечами. – Папа говорит, что у меня супермозг. Но это конечно не так. Просто у меня хорошая память, как зрительная так и слуховая.

– Не может быть такого. – недоверчиво поморщилась я.

– Может быть и не может.

Тут я начала ее закидывать вопросами. Самыми различными. Во что я была одета в первую нашу встречу? Продиктовать мой номер телефона. Рассказать что мы ели неделю назад. И я окончательно убедилась, что Хани необычная личность, когда она назвала мне по порядку название всех станций от нашего дома до школы. Учитывая то что она почти не говорит по немецки, и проехала по этому маршутру сегодня в первый раз, было невероятно когда она так легко и просто назвала мне все эти сложные длинные немецкие названия.

– Хани, ты же гений. – восклицала я. – Подумай только с такими способностями ты могла бы стать знаменитостью, и такие деньги загребать!

Хани вдруг побледнела и опустила глаза.

– Нет. Не надо. Лучше жить тихо и безмятежно. Это покой дорогого стоит. – чуть слышно пролепетала она.

– Давно у тебя это? – не унималась я.

– Всегда, сколько себя помню. Память подвела меня только однажды. Но я тогда была еще совсем ребёнком.

– Но ведь иметь такой дар, это просто счастье. Я даже не помню что мы ели на завтрак. Память у меня дрянь какая-то.

Хани чуть заметно улыбнулась.

– Иметь хорошую память это не всегда счастье. Бывают вещи о которых лучше бы вообще забыть навсегда. Так что может повезло тем у кого память – дрянь.

Она принялась накладывать себе тушенные овощи, и я заметила как ее пальцы чуть дрогнули. В мире бывает разные чудеса, но все же диву порой даешься когда с этим лично сталкиваешься. Я за свои тридцать девять лет редко сталкивалась с такими индивидами как Хани. В основном меня окружали редкие выродки. А теперь у меня даже появилась надежда. А вдруг и меня тоже есть какие-нибудь необычные способности. Все-таки с мы Хани двоюродные.

Глава 2

Хани

Мой первый день в школе. Впечатлений хоть ковшом вычерпывай. Группа у нас большая, веселая. Один только Фуртуна из Эритреи чего стоит. Он раскачивался на стуле все занятие, и на втором часе таки грохнулся. Такой смех поднялся. Когда из-под стола стали торчать его жёсткие мелкие и черные как уголь косички. Даниела из Румынии, женщина сорока двух лет, любезно протянула ему руку и собрала всю рассыпавшуюся канцелярию. Интересно как бы на это отреагировала Барбара случись это на ее уроке. Наверное, закатилась бы своим сиплым прокуренным смехом на весь класс. Она сегодня пришла на занятие в рваных джинсах и коричневом свитере с принтом. Она вошла в класс в своей привычной манере: чуть сутулясь, немного покачиваясь. Окинула нас взглядом, и я почти почувствовала как в уме она произнесла свою любимое слово. Ощупав позади себя стол, она чуть подпрыгнула и села на него, растопырив ноги как вилки. Слегка покачивая ступнями, она представилась и мы начали знакомство. Да, уж. Такого экстравагантного учителя еще поискать нужно. Не думаю, что в Германии все учителя ведут себя именно так. Но мне все равно нравится. Это необычно и забавно. Ломает все стереотипы, выводит из шаблонного мышления. В конце концов почему бы и нет? Разве кто-то запрещал учителю сидеть на парте, оголив свои бедра и колени через дырки в джинсах. Ничего такого в этом нет. Особенно если учитель профессионал своего дела как наша Барбара. А ведь она действительно на редкость хороший преподаватель. Я это сразу заметила, и другие тоже. Эти двое: Нина и Ильгиз всю перемену обсуждали ее, говоря, что им повезло с учителем. Барбара хорошо объясняет. У нее есть способность сплачивать разных людей в одну команду. Она уже сегодня создала атмосферу здоровой конкуренции. Достав из драного рюкзака небольшой мягкий мяч с изображением хмурой мордашки, она бросила его Лене из Молдавии. Игра заключалась в том, что если тебе в руки попал мяч, то нужно было назвать любую страну. У каждого было только пять секунд. Кто не успевал, или же повторялся, тот садился. В течении игры Барбара подправляла нас. И так мы потихоньку запоминали как звучат те или иные страны на немецком. Эту игру я выиграла и получила свою долю аплодисментов. Потом она показала как обычно здороваются в Германии. Никаких объятий или поцелуев как у испанцев, никаких глубоких поклонов как у корейцев. Обычное рукопожатие и вежливая улыбка. Она предложила нам сдвинуть все столы, чтобы было побольше места, а затем мы пустились по кругу пожимать друг другу руки приговаривая: «Guten Morgen. Ich heisse…» Было довольно весело. Потом мы выучили еще несколько фраз. Сделали два упражнения с учебника. Только первый день, а я уже так хорошо себя ощущаю, словно месяц учу этот язык.

На второй час к нам пришел Лукас. Завидев его, я громко поздоровалась с ним, и ему пришлось ответить по долгу службы. Все таки я выиграла. Но он меня, по-моему, даже не узнал. Странно то как он всегда держит свои глаза: они у него всегда чуть прикрытые. У нашей соседки бабы Ани был птоз левого глаза, поэтому у нее левое веко всегда было опущено, и напоминало дряхлую шторку. С таким взглядом она всегда выглядела уставшей и сонной. Вот у Лукаса почти такой же взгляд. Нет у него никакого птоза, но и глаза он никогда полностью не открывает. Может быть это потому что он очень высокий и привык на всех смотреть сверху вниз. Но из-за того что он никогда не открывает глаз полностью сложно понять что он имеет в виду когда что-то говорит. Мимика у него бесцветная, речь блеклая и сухая. Говорит он только по делу и голос его всегда на одной волне. После такого шумного первого урока, было очень непривычно сидеть в полной тишине. Лукас даже знакомиться с нами не стал. Он просто написал свое имя на доске, и провел короткую перекличку. Когда Лукас называл имя, то едва поднимал свой взгляд, чтобы посмотреть на человека. Но при этом на лице его было такое безразличие и такой холод, что всем становилось не по себе. Он раздал каждому по пять карточек

с картинками на одной стороне, и немецким словом на другой. Потом сказал чтобы мы поучились произносить слова на пару с соседом по парте. Я оказалась в паре с китаянкой Чанг. Она безупречно говорит на английском и потому постоянно приносит слова как-то не правильно. Когда нам что-то было непонятно, мы его спрашивали. И он отвечал, и порой писал что-то на доске. Говорит он неспешно и четко. Объясняет хорошо, но так уныло, что сразу же отпадет желание переспросить. С его приходом все в классе будто бы стали такими взрослыми и серьезными. Мне даже смешно сделалось. Просто чудо какое-то, а не учитель. Но даже несмотря на всю скуку, окутывающую его плечи как невидимый ореол, все же молодые девушки рделись румянцем когда он хоть немного поднимал свой полуоткрытый взгляд на них. Никто не будет отрицать, что Лукас очень красивый. На редкость красивый мужчина. С очень приятными и спокойными чертами лица. Интонация его, конечно, бесцветная, но сам голос приятный. Ростом он наверное около двух метров, но спину держит ровно, в отличие от моей кузины. Одет он опрятно, ничего вычурного. Все скромно и незаметно. Ему как будто бы хочется быть невидимкой. А природа над ним посмеялась, сделав его высоким, красивым и заметным среди толпы. Нина из Грузии, по-моему, положила на него глаз, едва он перетупил наш порог. Она сидит почти рядом с учительским столом, и я несколько раз наблюдала, как она обращалась к нему за помощью, спрашивая как приносится слово велосипед, или телевизор, или еда. Он сухо отвечал ей в ответ.

Потом мы изучили формы обращения. В немецком, как и в русском есть две формы; уважительная и дружеская. Лукас сказал, что с ним мы можем обращаться на «ты». Так странно: когда мы тыкали Барбаре, то было как-то нормально, а вот когда Лукас сказал, что мы можем говорить ему «ты», то многие девушки прямо зардели как розы на грядке. Нина специально пару раз обращалась к нему на «вы», и когда она ее переправлял, она так обворожительно улыбалась, что даже ее сосед Ильгиз не выдержал. Он толкнул ее локтем и сказал на русском, чтобы она не строила ему глазки так явно, да еще в первый же день. Она звонко рассмеялась, чуть запрокинув голову, и откинув назад небрежно спадавшие на лоб пряди. Эта молодая девушка та еще кокетка. Когда она так жеманничает, то может казаться симпатичной, хотя черты лица ее слишком крупные. Слишком большие глаза, слишком большой крючковатый нос, и слишком пухлые губы. Но в целом Нину можно назвать красивой если не разглядывать ее детально. Вообще в нашем классе много красивых девчат. Особенно хороша одна молодая студентка из Мексики. Ее зовут Алекса, ей двадцать семь лет. Она не просто красивая, но какая-то эффектная. Все в ней такое выдающееся и притягательное. Когда сегодня во время занятия она прошлась вдоль стены к доске, то все парни прямо вперили в нее взгляды. А двое мужчин из Сирии после этого еще переглянулись и так многозначительно заулыбались. Девушки тоже ее разгадывали. Да и было на что посмотреть. Талия у нее тонкая, а бедра и грудь округлые и большие. Волосы каштановые, густые, чуть ваяющиеся, а лицо такое все жаркое, что даже частые веснушки не портят ее образ. Она прошлась к доске, взяла маркер и написала по памяти пять слов, которые она успела выучить. Лукас исправил ее ошибки, но она будто бы этому даже обрадовалась. Нет, она не была такой, как Нина. Нина просто глупо жеманничала и заигрывала. Алекса держалась уверенно и смело. Она знает, что красива и для этого ей ничего не нужно делать. И хотя Лукас остался и к ней холодным, на ее лице все же проскользнуло некое торжество. Как же повезло девушкам, которые просто от природы прекрасны. Которые родились с большими глазами, густыми каштановыми волосами. У некоторых глаза черные, у некоторых зеленые или голубые. Все это всегда смотрится гармонично и правильно. Голубоглазые блондины, или же зеленоглазые рыжие, кареглазые брюнеты или русые, все равно это гармония природы. Все так должно быть. Все это правильно. Сейчас когда мне двадцать пять лет, я уже смирились со своей внешностью. Поначалу мне хотелось что-то изменить, и я даже сделала несколько попыток, но все заканчивалось хуже, чем начиналось. Чтобы я не делала, все меня будто бы еще сильнее уродовало, вызывало смех окружающих. Сейчас уже прошло время

когда я с завистью смотрела на красавиц, и плакала в подушку из-за своего нелепой внешности. Сейчас мне уже более или менее все равно. Хотя было бы, конечно, здорово однажды проснуться красавицей. Иногда в безумии я мечтаю о том, как буду идти по улице и привлекать взгляды. Из-за постоянного осознания своего убожества, я мечтаю быть не просто красивой, но такой чтобы прямо поражать всех своей красотой. Но всему этому было суждено остаться просто не выказанными мечтами. Никому ведь не запрещено мечтать, а это все что мне оставалось делать, чтобы снова не впасть в депрессию и пуститься в бега. Да и куда мне бежать? Уже вот прибежала в Германию. Хочется уже обосноваться на одном месте и жить спокойно. Барбара говорит, что немцы люди терпимые ко всем. Может быть я тут найду свой покой и счастье, о котором мечтает обычный человек, обычная девушка вроде меня. Хотя моя кузина уже несколько раз назвала меня неординарной смертной. Говоря о неординарности, Барбаре бы следовал взглянуть в зеркало. Вот она уж точно не от мира сего. Но она напротив считает себя нормальным существом, каких на нашей скотской планете пруд пруди. А вот я для нее целая находка. Думаю это все из-за моей памяти.

Память у меня действительно в чем-то необычная. Я это стала понимать когда пошла в школу. Раньше мне казалось, что все люди так хорошо все запоминают. Но оказалось что таких, как я единицы. Благодаря своей памяти я на отлично окончила школу, поступила в университет, участвовала в различных конкурсах. Одним словом получила свою долю славы, которая вообще-то мне была не нужна. Сейчас, честно говоря, мало где пригодится такая способность как у меня. Ведь все сейчас компьютеризировано. Так что почти не осталось сфер, где может понадобиться безупречная память как у меня. Хотя говоря о безупречности, я, признаюсь, лукавлю. Был в моей жизни случай, когда память меня подвела. И это так досадно, ведь именно тот фрагмент, который выпал из моей головы, так для меня важен и по сей день. И как бы я не пыталась, я не могу вспомнить. Я бы отдала все на свете, лишь бы найти этот недодающий пазл, и восстановить картину в целом. Но пока что мне не удаётся это сделать. И это порой вводит меня в отчаяние, раздражение, злобу, обиду, депрессию. Как бы мне хотелось хоть на мину вернуться в то время и пережить это мгновение еще раз, чтобы запомнить раз и навсегда. Может быть тогда мой вечный бег из страны в страну, из города в город прекратиться.

Лукас

Я сначала не сразу вспомнил, где я слышал этот голос. Как только я вошел в класс, она тут же со мной поздоровалась. В памяти мгновенно стали всплывать обрывки, где постоянно звучал этот задорный женский голос. Я взглянул на нее. Маленькая смешная с глазами как у кошки. Я будто бы уже видел ее раньше, но не мог вспомнить где. Особенно это ее пожелание дорого утра, оно словно уже давно меня преследует. Об этом я задумался аж на целых десять секунд, потом благополучно забыл. И снова вспомнил, когда после занятий побрел домой. Сегодня у меня не было уроков в мастерской, поэтому после того как я заменил гриппующую Сабину, я побрел по привычной мостовой на свою станцию. И тут она снова увязалась за мной.

– Лукас! – окликнула она. – Ты дом? – спросила она на своем начальном немецком.

Я даже не взглянул на нее, и уж тем более не стал отвечать. Занятия закончились. Вне школы я никому ничего не должен. Я продолжил свой путь, а она мельтешила рядом на своих коротких ножках. По-моему, ей уже двадцать пять, но выглядит она лет на четырнадцать. Маленькая, худая, со вздёрнутым носом, с совершено каким-то детским голосом. Этот голос до сих пор звенит в моих ушах. Она всю дорогу шла за мной. Потом села в тот же поезд что и я. Примостилась рядам как будто бы мы знакомы сто лет. Протянула мне открытую шоколадку, на которую я едва взглянул. А потом началось «Это поезд. А это велосипед. Правильно? Это метро, а это улица? Правильно?» Нужно заметить что произношение у нее не дурное, но все равно меня раздражаете когда кто-то заставляет выполнять работу в нерабочее время.

Я ей в репетиторы не нанимался. Так что я просто молча игнорировал ее вопросы. Но она все говорила и говорила. Я дал на занятии больше пятидесяти новых слов. Как она так их быстро запомнила? Я вышел из поезда, она за мной. Я прешел дорогу, она за мной. Я стал идти быстрее, а она все так же плетется за мной едва поспевая. Так я первый раз дошел до своего дома в чьем-то сопровождении. Открыл подъездную верь, она за мной. Проверяю почтовый ящик, и тут она отпирает ключом соседний почтовый ящик. До меня вдруг дошло, что она живет в этом доме. А то я уже подумал, что она безумная и решила меня преследовать. На втором этаже она остановилась у двери Барбары Эртман. И тогда я вспомнил где я уже слышал этот навязчивый голос. Она в течение месяца каждое утро как шарманка здоровалась со мной. Теперь оказывается она еще и в моем классе учится. Да, уж. Бывают в жизни разные неприятности. Но в этом есть и свои преимущества. Сейчас к примеру три часа ночи, а я все так же сижу на кухне и пью горький кофе. Но странно, что сегодня в голове вместо картин прошлого, то и дело всплывало невзрачное лицо этой соседки. Путь она некрасива, но это все же лучше чем те лица которые настигают меня каждую ночь.

После трех ночи меня начинает клонить ко сну. Я отправляюсь в зал, включаю там свет, сажусь на кресло, закрываю глаза и проваливаюсь в темноту, где от усталости в глухой тишине провожу остаток ночи.

Барбара

Хани пришла домой ближе к пяти часам. Я уже сидела на балконе и докуривала себе тихонько пятую за день сигарету. Бывают дни, когда депрессия как мигрень накрывает меня, и я становлюсь раздражительной. Все мне кажется безвкусным, бесцветным и бессмысленным. Такое хоть и случается не так часто, однако когда случается, то меня лучше в это время не трогать.

– Я дома! – радостно прикрикнула Хани с порога.

– Боже, счастье-то какое. – просипел мой голос.

– Барбара, мне так понравилась ваша мастерская. – трещала она.

Эта фрейлин намеков совсем не понимает. Когда я вот так сижу, и едва отвечаю ей на ее возгласы, то можно же понять, что мне сейчас не хочется разговаривать, прах ее возьми.

– Там у вас так уютно. – не унималась. – Ты будешь чай или кофе? Мне очень хочется заниматься в вашем кружке. Я сегодня смотрела как один студент из Македонии вылепил огромный кувшин. Мне кажется это такое удовольствие работать с глиной. Тебе как всегда без сахара? Даже смотреть как вертится гончарный круг это уже так успокаивает. На меня это действует как антидепрессант. Может тебе добавить молоко? А хотя нет, ты ведь не любишь. Барбара, а можно мне тоже записаться на этот кружок. Я могу после занятий быстро убраться, а потом ходить к вам в мастерскую. Уроки я смогу делать вечером. Я буду успевать. Как ты думаешь? Можно? Но я хочу заниматься именно лепкой или гончарным искусством. Я знаю, что у вас еще есть там кружок вязания и уроки сальсы. Но гончарная мастерская самая, на мой взгляд, уютная.

Она поставила на круглый столик чашку кофе, и присела рядом, как будто я ее пригашала.

– Ты только взгляни, этот балкон напротив прямо как настоящий уголок джунглей. – тарахтела она под ухо. – Плющ так разросся. А летом наверное вся стена зеленя и в листве. Наверное, там столько бактерий и пыли собирается. А почему ты не разводишь цветы на балконе? Как-то тут уныло. Знаешь, я сегодня пришла домой с Лукасом. Я все быстренько убрала, и подождала его у подъезда. Все же интересней идти с кем-то, чем одной. Хотя он не разговорчивый, но все равно хоть какой-то собеседник. Вообще мне нужно почаще общаться с немцами. Вот с тобой мне сложно, потому что я знаю то ты хоть немного, но говоришь по-русски. И мозг как-то сам перестраивается как только я тебя увижу.

– Хани. – медленно, протянула я, придавливая окурок к пепельнице.

– Да?

– Если ты сейчас не замолчишь, то мне придется тебя убить.

Она чуть побледнела. Так и знала. Она всегда сначала понимает все буквально, а потом только начинает соображать.

– Ты устала? – виноватым шёпотом спросила она. – Тогда я приготовлю твой любимый овощной суп.

Она вышла из балкона и принялась распевать на кухне, шуршать пакетами, зажигать газ, включать воду. Короче мне в моём же доме не дают побыть в тишине. Такое гадство.

– Барбара, – снова послышалось с кухни. – А давай погуляем по городу. Ты мне расскажешь немного о Франкфурте. А то я уже тут месяц, и ничего не знаю, кроме станций метро от дома до школы. Может ты меня все же выгуляешь?

Ну это уже было слишком. Я вскочила на ноги, пересекла порог кухни, открыла шкаф, взяла кухонный нож, и подошла к Хани.

– Послушай, – степенно сказала я. – Сколько тебе лет?

– Двадцать пять. – растеряно ответила она.

– Тебе двадцать пять, юная леди. Если хочешь заниматься лепкой – занимайся, хочешь крутить кувшины – крути. Хочешь гулять по городу – гуляй. Ты что собака, чтобы тебя выгуливать? Что хочешь, то делай. Я что тебе мама? Если ты еще раз спросишь разрешение, что делать, а что нет, мне придется тебя убить. И вообще иногда мне хочется побыть в тишине. С тех пор как ты тут появилась, я у меня все уши в мозолях от твоей болтовни. Сиди себе смирно и не мешай мне думать.

– Фу, ты! – рассмеялась она, отодвигая от себя нож. – Ты же просто сидела, ни о чем не думала. Наши русские студенты тоже так делают, когда хотят немного побыть овощем. Хочешь овощеветь, так и скажи. Кстати об овощах, можно мне купить в супермаркете цветную капусту? Или ты будешь есть капусту только с биомаркета?

– Ну ладно. Ты не понимаешь по-хорошему… – проговорила я.

Хани

Барбара такая злюка. Взяла и да выставила меня за дверь. Хорошо хоть куртку с шарфом на меня накинула. Надо же какая любезность. А что я такого сделала? Мне просто очень хочется с кем-то пообщаться. Что тут такого? В этом городе так шумно, все с кем-то болтают, а я одна. Мне ведь тоже хочется с кем-то общаться. Она такая брюзга. Хотя ведь еще относительно молодая. А куда мне вот теперь идти.

Лукас

Я уже дочитывал последнюю страницу, как вдруг из улицы послышался тот же голос. Ни разу на нашей улице никто не кричал.

– Барбара! – голосила она во всю мощь. – Monatskarte!

Она кричала так минут пять, пока Барбара не скинула ей с окна проездной. Почему это нужно было делать именно так? Не понимаю.

Только так подумал, как вдруг у меня зазвонил домофон. Я не спеша снял трубку.

– Хало. – сказал я.

– Лукас. – прозвенел трубка. – Лукас, гулять? Да? На Цаиль? Или?

Я повесил трубку и отключил звук. Какая-то совершенно безумная девушка.

Хани

Ну и не надо. Какие-то все в этом доме злые. Пойду значит гулять одна. Домашнее задание я еще в школе сделала, так что имею право. Я дошла до станции Энкхайм пешком, там села

на седьмой поезд и покатила до самого Цайля. На улице уже было темно, хотя время пробило половина шестого. В тот день я сама в первый раз устроила себе экскурсию по городу. Хорошая память не даст мне заблудиться. И я прошлась по центру, спустилась к реке Майн. Там было уйма народу. Они здесь носились на велосипедах, самокатах, скейтбордах. Очень много здесь было тех, кто просто бегал. Вообще удивляюсь как сильно немцы любят спорт. Утром бегают, вечером бегают, не удивлюсь если и по ночам тут тоже бегают. На другом берегу реки, мигали огоньки, по реке скользили лодки. Нужно будет погулять на другом берегу, но только в другой раз. Я шла вдоль тротуара, раздумывая, и все больше погружаясь в свои мысли. Так всегда происходит, когда я остаюсь одна. Может быть поэтому мне и не хочется быть одной. Может быть потому я все время ищу себе собеседника.

Людей тут было не так много. Они степенно прогуливались вдоль реки. О чем-то беседовали. Я еще ничего не понимала. Как же это сложно слышать человеческую речь и ничего не понимать. Поднявшись наверх, я оказалась на уютной площади. Не знаю как она называется, но тут было очень красиво. Невысокие домики с остроконечными крышами, и бурой черепицей. Брусчатка под ногами блестела как глянцевая, из-за растаявшего снега. Посреди площади статуя человека с весами. Из-за всей этой возни с документами, и прочей немецкой бюрократией у меня совсем не было времени почитать об этом городе, и познакомиться с ним поближе. Приеду домой и обязательно исправлю это недоразумение. Эта Барбара даже не дала мне возможность взять свой мобильник, вот ведь зараза. Поднявшись чуть выше я набрела на широкую улицу с многочленными кафе и ресторанами. Тут я вспомнила, что очень проголодалась. А денег я с собой не взяла. Утомившись, я присела на лавочку напротив одного уютного итальянского ресторанчика. Мимо меня прошла толпа молодых ребят, затем несколько бездомных, заглядывая в каждое мусорное ведро, светя в него фонариком. Столько бездомных сколько во Франкфурте я отродясь не видала. Они устраивают себе ночлег прямо на улице. У какого-нибудь павильончика расстилают свои матрац, и преспокойно спят себе до утра. Утром я уже наблюдала за тем, как они неспешно подтягиваются на своем матрасе, потом встают и начинают копошиться в своих пакетах, достают завтрак, читают книги, словом чувствуют себя как дома. В центре города их тут можно встретить повсюду, каждый занимает свой уголок, и живёт свой скромной жизнью, подбирая бутылки, прося милостыню. Мне до сих пор очень не привычно смотреть на них. Барбара говорит, что многие из них не настоящие попрошайки, а просто так делают свой бизнес. Мне сложно в это поверить, когда я вижу как люди спят на холодной земле, и подбирают объедки.

Я сидела на скамье и смотрела на них, на то как они огладываются по сторонам, что-то ищут. Очень много было таких, которые просто слонялись туда и сюда, громко беседуя и смеясь над чем-то невидимым обычному глазу. Люди тут наверное уже к такому привыкли, а мне все это казалось такой дикостью. Внезапно мимо меня прешёл огромный Микки-маус, держа в руках два туалетных ершика. Качая своей огромной головой и размахивая громадными плоскими ушами как черными лопастями, он неспешно шагал на своих пухлых ступнях. Остановившись у одно из ресторанов, он начал приветливо махать ершиками во все стороны, потом зачем-то нагнулся и стал подметать ими мостовую. Потом снова поднялся, помахал этими ершиками и скрылся за углом. Что творится в этом странном городе? Ни в одном месте я не встречала столько чудаков за один раз. Холод пронизывал меня до ушей, и я незаметно начала погружаться в сон. И вот в моей памяти снова стали всплывать картины пережитого, в котором было много хорошего, но много того, о чем мне совсем не хотелось думать. Я вспоминала маму и папу. Мне повезло родиться у таких родителей. Они нежно меня любят и всячески пытаются помочь и поддержать меня. Мы с ними часто переезжали. За всю свою жизнь я сменила четыре школы и два университета. Знаю, они это делали ради меня. Свой седьмой переезд в Германию я совершила одна. Нам было очень сложно расставаться, но мы знали, что так нужно. Я очень благодарна за то, что они всегда стремились понять и помочь. Признаться,

я решилась на программу поздних переселенцев в Германию тоже ради них. Они у меня уже не молодые и им нужен покой и уют. В Новосибирск мы переехали когда мне было девятнадцать лет. За это время мы успели привыкнуть этому городу. Папе он очень нравится. Он говорит, что в этом городе самая сказочная зима. Кроме того они там с мамой нашли хорошую работу и друзей. Больше всего родителям нравится именно этот город. Я хочу чтобы они там пустили корни и остались жить навсегда. Мне тоже было там очень хорошо. У нас с папой с детства установилась одна важная традиция. Каждый год на крещение мы окунаемся в прорубь, а в Новосибирске это делать куда интереснее, чем где бы то ни было. Мои родители необычные люди. Они веруют в Бога. По воскресеньям мы всегда посещали католическую церковь. Но для папы и мамы не было ничего зазорного принимать крещение вместе с православными верующими. Папа всегда говорил мне, что между верующими в Иисуса нет и не должно быть разделений. И все эти межконфессиональные конфликты только еще раз доказывают то, насколько люди неправильно поняли учение Бога. «Во всем мире есть только одна церковь – говорил он. – Это церковь Иисуса Христа. Все что нам нужно это просто любить Бога и любить ближнего. Это вся заповедь. Господь умирая на кресте, уж точно не умирал за православных или баптистов. И когда Он придет снова, то уж точно не за католиками или протестантами. Он умер за грешников, Он придет на вселенской церковью. И нет нам смыла тут спорить об истине. Потому что вся истина только у Бога, а мы по своей греховной сути не можем обладать истиной в целом. Потому стоит ли бороться за то, чем на самом деле никогда не будешь владеть в полной мере.» Папа говорил, что у людей на самом деле нет причин спорить, так как библия у нас одна, одно имя, котором мы спасаемся. Один Бог, в которого мы веруем. А все остальное это просто плотские и домыслы, придерживаясь которых, мы наносим неприятности друг другу и себе. В этом году папа мама пошли нырять в прорубь без меня. Но на следующий год я обязательно поеду домой на крещенские морозы. Специально, для того чтобы нырнуть в леденящую реку Обь вместе с моими родителями.

Лукас

Время бьет одиннадцать. Наша улица постепенно погружается в сон. Бывает, что наши соседи турки гуляют по ночам и неистово орут, но сегодня тихо. В моем доме нет ни телевизора, ни радио. Есть только огромная библиотека, которая занимает всю мою гостиную. Квартира в котором я живу небольшая. Тут всего две комнаты: спальня и гостиная. Есть еще уборная, кладовка, балкон и просторная кухня. Когда пятнадцать лет назад я сюда въехал кухня была уже вся меблированная. С тех пор я ничего не менял. Так что моя кухня большая, но старомодная. Так как я живу один и гостей у меня никогда не бывает, то и приборов тут в очень малочисленном количестве. С окон кухни я часто наблюдаю за тем как по ночам гаснут огни в соседних домах. Люди знают, что по ночам нужно спать. Да и я это знаю, только ведь у меня это не получается. Я снова сижу в своей гостиной и перелистываю одну за другой книгу. Я уже не знаю что почитать. У меня нет собственных предпочтений и любимых авторов, я просто читаю. Читаю что придется, чтобы скоротать время, которое по ночам тянется как резина. Когда на часах пробило ровно одиннадцать, я услышал чьи-то уставшие шаги. Кто-то поднимался по лестнице и тихонько себе что-то напевал. Раньше я не различал голоса. Для меня все они звучали примерно одинаково, или сливались в один общий фон. Но этот голос обращался ко мне слишком часто с приветствием, так что как-то без моей воли засел в памяти Это маленькая соседка поднималась по лестнице и что-то себе мурлыкала под нос. Я сразу узнал ее. Что-то она поздно возвращается домой. Где ходила в такой холод. Впрочем, мне какое дело. Мне вообще все равно. Дверь на втором этаже щёлкнула и снова наступила тишина. И вот в мою кратиру снова тихо через щель между порогом и дверью пробирается бессоница. Она стала моей постоянной гостьей с тех пор как мне исполнилось шестнадцать лет. С тех пор как умерла моя мама. Она умерла от сердечного приступа. Просто шла по улице и вдруг упала. Ее отвезли в реанимацию,

и там она через четыре часа отошла в мир иной. Я даже не успел с ней попрощаться. С того дня и начался весь этот кошмар. Я жил у своей тети Марины. У нее были две дочери, примерно моего возраста. Тетя Марина была родной сестрой моей мамы, но кроме внешнего сходства у них нет ничего общего. Перед маминими похоронами тетя Марина неистово рыдала и сыпала проклятие на мою голову. На кладбище, когда гроб опустили в землю, она внезапно ринулась ко мне и набросилась на меня как разъяренная кобыла. Она ударила меня, потом толкнула. Я была слишком слаб из-за того что не мог есть почти целых пять дней. Поэтому не удержавшись упал на соседнюю свежезахороненную могилу. Ноги мои водрузились в рыхлую землю, и я не смог подняться. Она била меня по лицу кулаками, две ее девочки таскали меня за волосы. Истерические возгласы разносились по всему кладбищу. Их поторопились оттащить от меня, но она продолжала кричать. И именно эти крики и слова я слышу каждую ночь. Следующий год прошел как в тумане. После смерти мамы я перестал учиться. Тетя Марина наказывала меня, или как она говорит, воспитывала. Она запирала меня в своем подвале, где роились крысы, которые были размером со взрослую кошку. Я сидел там всю ночь. С одиннадцати до трех. Нельзя было смыкать глаз, а иначе эти твари могли напасть и от меня остались бы одни кости к утру. Не знаю почему я тогда боролся, так ли не была дорога жизнь? Или мне просто было страшно быть обглоданным крысами. Я был сильнее тети Марины, и ее паршивых дочерей, я мог бы одолеть ее, если бы захотел. Но я не старался бороться с ней. Однажды только я взбунтовался, сказав, что никакими силами она не затащит меня в подвал. Тогда с одиннадцати ночи до трех она как вампирша сидела надо мной и сыпала на меня те же слова, что и на кладбище. Я пытался заглушить ее голос, затыкая уши, ни ничего не помогало. Она будто бы питалась моей болью, моим отчаянием и гневом. Это доставляло ей удовольствие. Поэтому я просто сам уходил в подвал каждую ночь. В три часа она выпускала меня, и я без сил валился на матрас, который мне постелили на кухне как бездомному псу, и там я спал до семи утра как убитый. Утром мне кидали сухой хлеб, который заранее подсушивали на батарее. Потом я шел в школу. Наш казахский поселок Боровое, где я родился и вырос, был небольшим. И если бы я не ходил в школу, то об этом бы сразу узнали. Тетя Марина не хотела себе проблем из-за такого гнусного выродка как я. Поэтому в школу я ходил опрятный и выглаженный. Правда, всегда голодный. В школе у меня не было друзей. Злость и обида сделали меня жестоким и замкнутым. Порой не зная куда вымещать то бешенство, которое бушевало внутри меня, я просто ввязывался в любую драку. Казахи ребята вспыльчивые и горячие. Ничего не стоило их вывести из себя. Они сами лезли с кулаками, и тогда я избивал их с таким бесконтрольным исступлением, что мог бы убить если бы нас вовремя не разнимали. Я не знаю, как это объяснить, но каждый раз после драки, мне становилось искренно жаль противника. Мне хотелось просить у него прощение, но неистовое остервенение брало вверх, и я оставался безмолвно жестоким. Малопомалу я стал привыкать к тому, что я такой, и уже не боролся с муками совести. Они видят во мне чудовище, что ж я таким и стал. Я стал чудовищем, потому что каждый день это слышал. И сейчас спустя столько лет, каждую ночь я слышу это снова и снова. Они кричат, что я – ребенок блуда, что моя мама была любовницей, что она пыталась разрушить семью. Об этом говорил весь наш поселок, и куда бы я не убегал, где бы не прятался люди находили меня, и говорили что я – живое воплощение греха и разврата.

Впервые о своем отце я услышал, когда мне исполнилось четыре года. Тогда мы с мальчишками играли во дворе. Меня толкнули и я толкнул. Так ведь бывает между мальчишками. Но тут с соседнего крыльца как огромная летучая мышь вылетела женщина. Она подобрала своего малыша и схватив меня за ухо прошипела, что я никогда не буду хорошим человеком, так как я ненужный ребенок на этой земле. Я расплакался и сказал, что это не правда. Тогда она криво усмехнулась и сказала: «А ты иди и спроси свою мамашу, хотела ли она тебя? Нужен ли ты ей сейчас? Да ты просто позорная мозоль для всего вашего семейства. Из-за тебя мама твоя никогда не сможет выти замуж. Из-за тебя наш город лишился самого лучшего врача во всем

Казахстане…» Что было еще, но я не помню. Помню лишь, что с я того дня стал действительно чувствовать себя изгоем, ненужным и нежеланным на этой земле. Я докучал маму расспросами о своем происхождении, но она лишь молчала. Просто молчала, а порой плакала. А временами мне казалось, что она вовсе и не моя мама.

Мама была слабой женщиной, поэтому она жила со своей сестрой Мариной, которая ее поддерживала. Мы с мамой жили в отдельной комнате и спали на одной кровати. Я вспоминаю, как мама плакала по ночам, как порой сидела на кухне одна и пила вино стакан за станком. Порой по ночам, когда она думала, что я сплю она приводила в нашу комнату мужчин. Чаще всего это были заезжие туристы. В нашем поселке их пруд пруди. В первый раз когда я проснулся и увидел в паре сантиментов от меня маму под каким-то вонючим волосатым мужчиной, меня вырвало прямо на постель. Я был тогда еще ребенком, и даже не понял что это было, чем они занимались, но отвращение было таким сильным, что я потом не мог сносить даже маминых прикасаний. Но маме наверное уже было все равно. Мы все так же спали на одной кровати, а она по-прежнему приводила мужчин. Они занимались этим, а я лежал отвернувшись к стене, слушая омерзительные возгласы и противное дыхание. Спустя еще какое-то время я стал совсем холодным ко всему происходящему. С мамой я больше не пытался заговорить. Она тоже. Думаю что та соседка была права. Я действительно был позорной мозолью для нашей семьи. Но мысли об отце никогда не покидали меня. Я хотел знать кто он. Хотел знать что случилось, почему все так вышло? Где он сейчас живет? Порой в порыве бешенства я разбивал окна и крушил в доме все что есть. Я кричал на мать, и на тетю, чтобы они рассказали мне об отце, чтобы открыли мне всю тайну. Тетя Марина всякий раз порывалась эта сделать, но мама только плакала и просила ее не открывать рот, грозясь убить себя. Когда мне исполнилось десять лет, я стал заниматься боксом. В моей детской озлобленной на весь мир голове была лишь одна цель. Я тренировался день и ночь, не смыкая глаз, не жалея рук, разбивая до крови кожу на костяшках. Я хотел стать сильным для того, чтобы найти урода-отца и набить ему морду. Пусть он станет таким же монстром каким он меня сделал. Я винил его во всем. Он бросил меня и маму. Из-за него мама стала такой. Из-за него она спит со всеми подряд, из-за него меня дразнят в школе и ненавидят соседи. Он всему виной. Я слышал, что он уехал со своей женой и тремя детьми. Так я его найду.

В двенадцать лет я был уже таким сильным, что мог драться даже со взрослым мужчиной. И это породило во мне еще большую несдержанность. Я свирепствовал на улице, дома, ища себе неприятностей. Если кто-то на меня плохо посмотрел, или кто-то что-то сказал, или просто меня раздражал его взгляд, то я кидался с кулаками. Меня ставили на учет, сажали в тюрьму, но мама всегда находила денег чтобы меня вызволить. Не знаю зачем она это делала. Она никогда меня не ругала, не воспитывала, не упрекала. Я для нее был пустым местом. А может быть она, как и я, в глубине своего гноящегося сердца любила меня, но не знала как это показать. И я не знал. Зато я готов был избить любого, кто говорил о ней плохо. В такие моменты я и впрямь дрался от обиды за мать, а не потому что мне хотелось просто подраться. Я думаю, что все-таки я любил ее. И мне почему-то верится, что и она любила меня. Но нас никто не научил как показывать любовь, поэтому мы изводили друг друга. Она своим молчанием, а я тем, что крушил все вокруг. Начиная с двенадцати лет, я сметал и громил все вокруг. В нашем доме уже не осталось стеклянной посуды. Тетя Марина избивала меня как собаку всем что только попадало ей под руку, а я не мог ударить ее в ответ, но зато потом все сносил в доме. Вот так вот мы и жили. Порой когда я делал вид, что сплю, я ощущал ее едва уловимое прикосновение к моему лицу. А однажды утром я нашел у себя под подушкой толстую серебрянную цепочку с округлым кулоном, на котором было выточенно мое имя. Это был ее первый и последний подарок. Я даже стал ее за это благодарить, однако с самой цепочкой с тех пор не расставался.

В шестнадцать лет случился мой последний приступ вандализма. Я, как сейчас, помню этот день. Стоял теплый сентябрь. Я перешел в одиннадцатый класс. Была большая торжественная школьная линейка. И по старой традиции выпускники должны были проводить первоклассников на первый их урок. Я направился к ним не торопясь. Когда толпа передо мной стала рассеиваться, я вдруг увидел девочку с огромными бантами и букетом камелий больше чем она сама. Она растерянно смотрела на то, как разбирают детей, с надеждой потягивая свою маленькую ручку, но никто не хотел ее брать. У девочки были глаза разного цвета, и волосы у нее были какие-то необычные; местами темно-каштановые, местами светло-желтые. В нашем поселке встречаются люди тупые и суеверные. Таких, как эта малютка боялись и считали отродьем сатаны. На линейке по этим соображениям никто не горел желанием взять ее за руку. А я взял. Я вдруг увидел в ее отверженности себя. Она же смотрела на меня как на доброго волшебника. Она смотрела на меня и не боялась, как другие. В его разноцветных глазах я прочитал столько доверия, сколько не встретил за всю свою жизнь.

Дома за это мне влетело от тети Марины и ее дочек. Они сказали, что таким образом я наведу проклятье на их дом. Даже мама повысила на меня голос, сказав, что я сведу ее в могилу. Я не мог вынести такого заявления. В тот вечер я вышел на улицу, взял бейсбольную биту у соседей и разбил единственную машину тети Марины. Дома я в тот день не ночевал. А на следующий день я узнал, что мама в больнице. В ту же ночь она умерла.

В то утро на кладбище вместе с ее телом похоронили и мою последнюю защиту, которая как невидимый плащ покрывал мои плечи. Тетя Марина взбесилась сразу же, едва тело мамы опустили в сырую могилу. Вот тогда-то она и рассказала мне всю правду. Но как рассказала. Она разоралась на все кладбище. Правда, за которую я готов был крушить все вокруг, вылилась на меня в тот день вместе с бурным потоком всеобщей ненависти. Тетя Марина истерично лупила меня по лицу неистово драла горло, осипшее от слез и остервенелости. «Это все ты! Это ты вогнал ее в могилу! – вопила она как гиена. – Ты стал причиной всех несчастий! Зачем ты родился! Тебя никто не ждал! Ты никому не нужен! Ты дитя разврата, блуда, распутства! Твой отец не хотел тебя! Он любил ее! Он любил твою мать! Из-за тебя им пришлось расстаться! Из-за тебя он уехал из города! Если бы ты не родился, то все было бы хорошо! Ты вогнал ее в могилу! Она умерла потому что ты ее довел! Каждый день она плакала из-за тебя! Все вы свидетели! Знайте же, что это он причина ее смерти! Он сделал так, что ее не стало! Все вы видели, как он мотал ей нервы своими проделками! Бедная моя сестра. Ах, бедная моя!… У нее было такое слабое сердце!…»

Потом она завыла как избитая волчиха и ее увели от меня подальше. Я остался сидеть на соседней могиле, слезы капали из моих глаз, словно кто-то влил в меня целое озеро Боровое. Кто-то подошел ко мне и помог подняться, и тут перед собой я вновь увидел ту маленькую деовочку с разными зрачками. Она жалобно протнянула мне красный мак, и ушла с родителями. Потом все стали расходиться, а я так и остался сидеть у ее могилы. Мимо меня проходили люди: соседи, родственники. Они качали головами и я слышал как они говорили, что я соморучно выкапал ей могилу, что я проклятый ребенок. Некоторые даже плевались в мою строну, а кто-то даже громко выкрикнул, чтобы я поднимался и шел домой, и не осквернял мамину могилу притворными слезами. «Этот театр тебе уже поможет. – сказали они. – Ты извел мать. Все мы это знаем. Незачем сейчас лить слезы по ней, будто бы о чем-то жалеешь.» Именно эти голоса я и слышу каждую ночь. Слышу эти слова, вижу эти лица. Куда бы я не сбегал, они всегда будут следовать за мной. Всегда будет ходить за мной как тень лицо моей несчастной мамы, которую я вогнал в могилу. Тогда я зачем-то пообещал умершей маме, что никогда и никого больше не ударю, и ни к чему не прикоснусь, чтобы сломать. Прошло много лет, многое что изменилось, но обещание я свое держу и по сей день. Может быть я так пытаюсь искупить свою вину перед ней, а может быть после ее смерти я потерял смысл жизни и всех своих проделок. А может быть я все же любил ее. Хотя способен ли на любовь такой выродок как я?

Глава 3

Барбара

– Где ты была?! – начала я порога.

Эта мадам пришла в одиннадцать ночи. Я всего лишь хотела ее проучить, чтобы она не зудела мне под ухо. А она возьми да и свали куда-то в темень без телефона и денег. А теперь пришла такая разрумянившая и дольная, будто так и должно быть.

– Я гуляла. – стягивая сапожки, ответила она. – Ты ведь сама сказала, что я могу гулять сколько захочу.

Правда, я так сказала, но я волновалась за нее, потому что она ушла голодная. И в принципе, она ведь ничего плохого не сделала, чтобы выставлять ее вон.

– Ну и где ты гуляла? – спросила я, разогревая суп.

– В центре города.

– Что там интересного в такое время?

– Много что. У меня появился друг. Его зовут Матиас. Ему шестьдесят три года.

– Кто это? Где ты его раздобыла?

– Он продавец газет. Сегодня он спал на углу супермаркета Лидэль.

– Ты умом тронулась? Ты что теперь будешь весь бомжатник обчесывать? Как ты вообще с ним познакомилась.

Хани рассмеялась, глаза ее блеснули живым огоньком. Она сделала себе горячий чай и принялась чистить апельсин.

– Сначала суп поешь. – приказала я.

– Пока не хочу. Матиас сидел на свих сумках напротив мебельного магазина и смотрел телевизор. Ну ты ведь знаешь многие мебельные магазины подвешивают огромные экраны на витрину, и там показывают короткие видео или мультики. Вот он и сидел напротив и смотрел телевизор. Я села рядом, на его вторую сумку. Но не думай, я перед этим, как полагается, спросила у него разрешение. Я сказала: «Ist hier frei?» Он кивнул и я села. Видишь, я не веду себя как дикарка. Вы немцы всегда спрашиваете разрешение прежде чем сеть. И я повела себя прилично. Мы смотрели вместе мультфильм про крота. А потом я спросила как его зовут. Он сказал: «Матиас». А потом я сказала, что меня зовут Хани. А затем я спросила сколько ему лет, и он сказал: «шестьдесят три». Все еще не привыкла к вашим цифрам, которые произносятся наоборот. Сначала решила что ему всего тридцать шесть и даже удивилась. Ему я тоже поначалу сказала, что мне пятьдесят два. Она так посмотрел на меня, улыбнулся и что-то сказал, но я ничего не поняла. Но спустя минуту я переправилась. Мультфильм закончился, стали передавать различные рекламы, и ему стало скучно. Он повернулся ко мне и снова что-то сказал. Но я ответила, что я еще плохо говорю по-немецки. Матиас рассмеялся. А потом знаешь что мы делали? Мы учили вместе новые слова. Я показывал на что-то он говорил как это звучит. Теперь я знаю как будет на немецком светофор, витрина, сумка, столб, грязь, шнурки…

– Очень интересно. Но разве тебя ни учили не заговаривать с незнакомцами? – перебила ее я, выходя из себя от негодования.

– Было дело. Но ведь, ты сама сказала. Что я уже взрослая и сама знаю, что делать.

– Но зачем тебе нужно было сидеть с бездомным. Он ведь может быть чем-то болен.

– Ну что ты? Он, между прочим, тоже покупает продукты в биомаркете, как и ты. Он сам так сказал. И вообще у него только дома нет, а все остальное есть. У него есть работа: он ведь продает газеты по средам и субботам.

– Хани, – отрезала я. – Ты что не знаешь? Ты что действительно с луны свалилась? Тебе уже двадцать пять. Мне то плевать конечно. Но твоя мама звонила раз восемь. Мне пришлось ей соврать.

– А зачем ты соврала. Сказала бы правду, что я тебя достала своими разговорами и ты меня выгнала. Уверяю тебя, она бы не рассердилась. Они с папой знают какая я бываю неугомонная. Мы с Матиасом договорились ужинать вместе по средам и субботам. Если ты хочешь, то можешь к нам присоединиться. Я приготовлю гороховый суп, и ты тоже можешь что-то прихватить. Он так четко и ясно выговаривает слова. Думаю так я очень быстро научусь вашему языку.

Мне больше нечего было ей возразить. Глядя на то с какой искренностью она это говорит, я даже не знала к чему тут можно было придраться. И вообще, я что ей мама? Пусть себе делает что хочет, пусть хоть со всем бомжатником соберется и обедает, мне то что. Не маленькая ведь. Я тяжело вздохнула и набрала ей в тарелку суп.

Хани

Барбара меня отбранил немного, но ведь на самом деле на то не было причин. И вообще я заметила, что она только делает вид, что сердитая, а на самом деле человечная и отзывчивая. Но все же мне не стоит ей докучать, а то еще выставит меня за дверь навсегда. И буду я тогда скитаться с сумками как Матиас. Удивительно, как так просто, люди живут прямо на улице. Неужели им так совсем не страшно?

Я зашла в гостиную, разложила диван, выключала свет, а затем подошла к окну и чуть слышно отворила его. Зима тут мягкая и я бы даже сказала теплая. Морозы тут не колючие, а просто сырые. На часах уже пробило час ночи. Высунувшись по пояс из окна, я взглянула наверх. В квартире над нами все еще горел свет. Лукас не спит. Почему в такое время он бодрствует? Может быть ему плохо? Завтра нужно его спросить об этом. А хотя нет, Барбара же сказала, что немцы не говорят о своих болезнях проблемах и зарплате.

Опустившись на колени перед кроватью, я тихо произнесла молитву, потом забралась под одеяло и крепко уснула.

Утро наступило так быстро, я даже не успела как следует выспаться. Обычно я всегда просыпалась раньше Барбары, но сегодня она уже что-то стряпала на кухне.

– Ну что, бомжиха? Хорошо спала? – сказала она, не отрываясь от шкварчащей скороды.

Она уже напекла целую гору оладий из отрубей. Она все делает без сахара, чтобы полезно было. А я совсем к еде не привередливая могу есть все что дадут и мне все вкусно. Я спросила у нее разрешение, взять три, или нет, четыре оладушка. Она так покосилась на меня, и я сразу же осеклась. Она ведь сказала, чтобы я не спрашивала у нее разрешения. Тогда я сама выложила себе на тарелку четыре румяных кружочка, полила их медом, и выбежала за дверь.

Лукас

Не понимаю как реагировать на таких, как она. Пришла ко мне в семь утра и стала звонить и звонить. Сквозь дверной глазок я снова увидал это смешное круглое лицо. Решил, что не отвечать. Но она звонит и звонит. Потом как начала тарабанить.

– Лукас! Лукас! – голосила она на весь подъезд.

Моя соседка фрау Шнайдер очень ворчливая женщина. Она потом за этот шум будет морочить мне голову весь месяц. Да к тому же она такая же ябеда, как и все немцы. Писать жалобные письма это у них кажется в крови. Пришлось открыть. Открыл значит, а она стоит передо мной съежившаяся, в домашних тапочках и пижаме. В руке держит тарелку с оладьями.

– Frühstück. – радостно бросила она мне в лицо.

Да уж, мне завтраки еще никогда никто не носил. Я захлопнул перед ней дверь. Она снова принялась тарабанить.

Я открыл, и толкнул ее в плечо, чтобы убиралась. И что же она сделала? Она толкнула меня в ответ. Да, еще так сильно.

– Frühstück, я сказала! Где твои манеры?

Потом насильно всучила мне тарелку. И побежала вниз по лестнице. На пролете остановилась и крикнула;

– Тарелку Abend zurück.

То есть получается я должен еще вернуть ей тарелку. Она не похожа на сумасшедшую, но почему так ведет себя, будто бы в мире все так просто. Я закрыл дверь, и еще какое-то время простоял на пороге недоумевая, что это сейчас было. Потом решительно прошел на кухню, открыл нижний шкаф, выдвинул муссонное ведро и уже готов был выбросить, но тут меня будто что-то остановило. Выкидывать еду для меня само по себе казалось преступлением. Было ведь время когда я подбирал на улицах выброшенные туристами куски жареного мяса и лепешки.

Мне снова вспомнилась то девочка с разноцветными глазами. Один раз она отдала мне свой обед. В тот день я застал ее позади школьного двора у мусорных контейнеров. Она сжимала в руках огромную корявую ветку. Ее двухцветные пряди были разбросаны по щекам, по плечам, розовые ленты торчали во все стороны. На щёках застыла сажа, на губах кровь. Правый глаз серо-голубой, а левый янатрно-карий. Но в этих глазах бились отчаяние и страх. Она боролась, как могла. Уже не в первый раз я видел, как к этой малютке задирались. Если меня всю жизнь дразнили дитём блуда, то ее назвали отродьем дьявола. Я уже видел как ее закидывали камнями, преследовали после уроков, отбирали у нее портфель, валяли его в грязи. Девочка пыталась защититься, но всегда оказывалась слишком слаба для борьбы с целой толпой хулиганов. Но в тот день я оказался слишком близко, чтобы смолчать. Помню тогда я сидел за одним из мусорных контейнеров и смотрел на хмурое небо, которое застилали пухлые облака. Это было вначале октября, и мне все еще не верилось, что мамы больше нет. После ее смерти я будто растерял всю свою агрессию и даже ее смысл. Внезапно я услышал горланящую толпу. Чуть приподнявшись, я выглянул. Спиной ко мне стояла эта малютка. Уже побитая и растрепанная, сжимая в маленьких ручонках толстую кленовую ветку. Дети чуть постарше распотрошили ее портфель, и скалясь в противной улыбке приближалась к ней.

– Ну что же ты, чертенок? Боишься? – говорил один из них, закатывая рукава.

– Ты только посмотри на ее глаза, волосы. Настоящий шайтан. – насмехался другой.

– Уходи из нашей школы, мерзкое отродье. Ты несешь проклятье. Все это знают.

– Смотри, Айдар, не прикасайся к ней. Ты ведь знаешь что будет с тем кто коснется ее руки. Она может забрать жизнь твоих близких.

– Путь только попробует.

– Ну ведь помнишь тот случай. У того старшеклассника, который взял ее за руку на следующий же день умерла мама.

– Шайтан! – зашипела толпа, приближаясь к ней.

Раздались крики, и над малюткой запарили камни. Прижавшись всем телом к мусорному контейнеру, она прикрыла лицо, голову своими исцарапанными ручонками, и вот тогда я вышел из своего прикрытия. Я тут же подхватил ее на руки и поднял с земли ту самую кленовую ветку. Эти мелкие кретины сразу же застыли. Все в округе хоть и ненавидели меня, да боялись. Так как знали что я могу избить человека до потери сознания. Но в тот день я никого не ударил. Я только грозно посмотрел на этих злобных малышей и пригрозил им веткой, они так и бросились в рассыпную. Малютка жалась ко мне и плакала. Уже весь мой воротник был в ее крови. Я посадил ее на землю, но она не отпускала меня. Пришлось сидеть так, пока она не успокоится. Ее теплые объятия, источали полное доверие, и я не мог оттолкнуть ее насильно. Мы просидели так всю перемену и тритий урок. Потом она подобрала с земли свой контейнер и достала оттуда два сэндвича. Один она отдала мне, а второй съела сама. Мы сидели с ней рядом как два отшибленных от мира изгоя. Она молчала, и я тоже, и вдруг она спросила;

– А ты проклятый?

Я усмехнулся.

– Наверное. А ты тоже? – спросил я

– Нет. Я не проклятая, я особенная.

Потом она протянула мне свой маленький носовой платок с вышитой буквой «Э»

– Ты тоже не проклятый. – сказала она, вытирая грязь с моей щеки – Мой папа сказал бы, что ты тоже особенный.

Я взял платок и отвернулся.

– А где твой папа? – спросила она.

– Не знаю.

– Ты не можешь ни знать. Он ведь папа.

Я не знал что ей на это ответить. Честно сказать, я уже даже не знал как себе на это ответить.

– Ты найдешь его? – вопросила она снова. – Без папы сложно. Без папы ты не знаешь чей ты сын. Может если ты его встретишь, то и он скажет, что ты не проклятый, а особенный.

– Твой папа тебе так часто это говорит? – спросил я.

– Да. Он так говорит мне каждый день. Но детям в этой школе не нравятся особенные дети, вот они и гоняются за мной каждый день.

– Почему ты не пожалуешься папе?

– А зачем? Я ведь уже большая. Сама могу за себя заступиться. А если я скажу, то мама будет плакать, а папа злиться. Зачем так? Я их очень люблю. Ты ведь тоже любишь своих родителей.

– Нет. – ответил я.

– Так не бывает. – твердо заявила она. – Ты любишь их, как и они тебя. Просто нужно научиться это говорить. Папа говорит что слова «Люблю» и «Прости» сложнее всего выговаривать, поэтому нужно тренироваться.

Тут она вскочила на ноги, расправляя запылившуюся школьную форму.

– Ну-ка, скажи мне: «я тебя люблю» – потребовала она.

Я отвернулся. Никогда я этих слов не говорил, и навряд ли когда-нибудь скажу.

– Ну что же ты? Давай, это просто. Смори как это делается. – Она выпрямила спину, пригладила волосы, назвала меня по имени и сказала: – Я тебя люблю.

От этих слов меня всего передернуло. Не назови она моё имя, я бы может быть и не обратил на эти слова внимание.

– А теперь ты скажи. – снова приказала она.

Я даже не поднял на нее взгляда. Тогда улыбка сошла с ее лица и она печально опустилась рядом со мной.

– Ты тоже думаешь, что твоя мама умерла из-за меня?

У меня даже в мыслях такого не было.

– Понимаешь, все говорят, что я дьявол. Но на самом деле это не так. На самом деле я очень хорошая и добрая. Я совсем не хотела тебя зла, и твоей маме особенно. Просто так получилось, что я родилась такой. Я бы тоже хотела иметь одинаковые глаза. Только не знаю какие лучше. Мне нравится и голубой и карий цвет. Голубой как небо перед рассветом, а карий как перед закатом. Мой папа всегда так говорит. А все школе дразнятся, что мои глаза как смерть и ад. Все говорят, что я забираю жизнь у тех к кому прикасаюсь.

– Моя мама умерла потому что я ее довел.

– Не правда! – вспыхнула она.

– Правда. Я ее довел своими расспросами об отце. Я хотел знать его, и всего лишь. Я хотел знать правду о себе.

– И ты узнал?

– Нет.

Тут она снова вскочила, и протянула мне свой мизинец.

– Пообещай мне, что ты найдешь своего папу.

Я посмотрел на ее крохотный палец, недоумевая чего хочет эта малютка. Она вздохнула как взрослая, и зацепила своим мизинцем мой палец.

– Пообещай моему правому глазу, что ты найдешь папу.

– Почему правому?

Она рассмеялась.

– Папа говорит, что мой правый глаз видит правду. Он помнит правду и всегда будет за правду.

Я улыбнулся, загнув в ее зелено-голубой зрачок. В эту минуту они показались мне даже какими-то нежно-фиалковыми.

– А левый?

– А левый видит настоящую красоту. Красоту сердца.

– Я дам тебе обещание твоему правому глазу, если твой левый глаз тоже мне кое-что пообещает.

Она кивнула.

– Сначала ты. – Она широко открыла глаза и приблизила правый глаз к моему лицу. – Обещай.

Я чуть приподнялся, и глядя в глубину ее чистого как гладь озера зрачка, произнес;

– Я обещаю найти своего отца и узнать о себе правду.

Она закрыла глаза.

– Мой глаз это запомнил. – сказала она.

– Теперь ты.

– Что я должна сказать?

Я посмотрел на небо и немного пораздумав произнес;

– Обещай мне, что ты всегда будешь видеть правду и красоту. Обещай, что никогда не будешь думать о том, что ты монстр или дьявол. Чтобы не случилось, ты не будешь прятать свои глаза и волосы. Ты просто останешься особенной. Ты обещаешь?

Она довольно кивнула, и сказала, что для нее это сделать проще простого. Потом она собрала свои разбросанные учебники в портфель, отодрала засохшую корку крови с лица, помахала мне рукой, и навсегда ушла из моей жизни. На следующий день я узнал, что малютка заболела и ее увезли в столицу. Потом от соседей я узнал, что она там умерла. Вот так на короткое мгновение мою жизнь посетил ангел с разноцветными глазами, дав мне лишь на секунду почувствовать себя нормальным ребенком, другом, человеком, которому сказали, что любят. Я больше ее не видел, и теперь не увижу никогда. Порой рождаются на свет необычные дети, которые призваны быть чьим-то ангелом. Пусть она жила не долго на этом свете, но была счастлива и довольна всем что у нее есть. И хотя ее гнали, как и меня, она не считала себя изгоем, она считала себя особенной.

Глядя на эти оладьи под блестящими медовыми струйками, мне вспомнилась эта малютка с именем на букву «Э». Я называл ее в мыслях Элия. Мне казалось, что ее именно так и зовут. Вспомнилось именно сейчас как Элия поделилась со мной обедом. Я тогда был так голоден, что готов был съесть даже поджаренную саранчу. Прошло много лет, и забыл что такое голод. Я готов был выбросить это скромное угощенье, только потому что не хотелось иметь ничего общего с кем бы то ни было. Но воспоминания вернули меня в те дни, когда во мне не было никакой гордости, и я готов был доедать объедки своих двоюродных сестер, выслушивая их насмешки. Я положил тарелку на стол, взял одну из оладушек, и целиком отправил его в рот. Пальцы измазались в меде, на щеках проступили горькие слезы, а во рту было тепло, и сладко.

Барбара

– Хани, зачем ты это сделала?! – орала я как ужаленная.

– А что такого? Мы всегда делились с соседями чем-то вкусным. Мама так делала. – невинно мигали ее черные как угольки глаза.

– Ты не в России! Тут так не принято! – метала я.

– Ну тебе что, жалко несколько оладьей для своего же коллеги? Не будь такой скрягой.

– Дело не в этом! Вот дерьмо!

Схватив пальто я начала быстро обуваться.

– Барбара, я сделаю новые оладьи, такие же как ты любишь! Прости! – умоляюще вскричала Хани, взяв меня за руку.

– Хани, никогда никому не давай мою стряпню. – прошипела я. – Еще не хватало чтобы какой-то там Лукас выбрасывал мои оладьи в мусорное ведро.

– Но он их не выбросил. – запротестовала она. – Я точно знаю, что он их съел! Барбара, пожалуйста!

– Я сказала тебе, никогда больше так не делай! Тебе все понятно?!

Ну что за херня творится вокруг меня последнее время? Когда уже это все закончится? Меня просто вымораживает ее выходки. Зачем она отнесла мою еду этому гребенному соседу. Кто ее просил?

Еще немного и ругань в душу вылилась бы наружу, тогда я бы обматерила всю улицу, по которой нервно волокла свое мерзкое настроение.

Все занятие я игнорировала Хани, желая ее унизить, как и она меня. Но она ко всему относилась спокойно. Если она спрашивала, то я не отвечала, а если и отвечала, то говорила, что такие элементарные вещи, она должна бы сама знать. Но эта дрянь только смотрела на меня своими большими чуть раскосыми глазами и с улыбкой благодарила за любую критику. Потом мы начали играть в игру артикль. Все встали в тесный круг. Мой хмурый мяч начал кочевать из рук в руки, а я встала в середине круга как рождественская ель, произнося любое существительное. Задача учеников заключалась в правильном название артикля. Ошибавшийся садился на стул и выбывал из игры. Вчера Хани весь вечер торчала на улице, а сегодня у нее эти артикли от зубов отлетали, словно она их учила всю ночь напролет. Когда мяч попадал ей руки, я специально задавала ей слова, которые мы не успели пройти, но она была непреклонна. Умная негодница. В конце концов она выиграла и весь класс ей снова зааплодировал и я, скрепя зубами, тоже. Приходится вести себя вежливо. Мы ведь на работе, а не дома.

После занятия, я пошла в преподавательскую и там меня вдруг окликнул Лукас. За все то время пока мы вместе работаем, он ни разу не обращался ко мне.

– Барбара, – сказал он, и вынимая из рюкзака тарелку. – Спасибо.

Я покраснела, взяла тарелку, и тут я не выдержала;

– Ну как тебе? – спросила я, скрывая волнение.

– Было очень вкусно. – сдержанно ответил он, не поднимая своих век до конца. – Это ты их стряпала?

– Угу.

– У тебя хорошо получается.

Он вышел, из кабинета, а меня прямо всю жаром обдало. Он их не выбросил, он их съел и нашел вкусными. Умереть мне на этом месте! У меня даже ком встал в горле за мои оладушки. И тут же в моей голове прозвучал насмешливый голос из прошлого: «Твоими пирогами можно только свиней кормить», «Барбара, любимая, занимайся чем-нибудь другим. Тем что у тебя лучше всего получается!»

Вновь во мне вязко зашевелись желчь. Досада подобралась к горлу, сжимая голосовые связки.

– Гребаный ублюдок. – просипел мой прокуренный голос. – Иди на хер.

Хорошо, что я тогда находилась одна в кабинете.

Хани

Мама звонила. Переживает за меня словно я все еще маленькая. Это приятно. Приятно, когда кто-то тебя постоянно считает маленькой девочкой. Так можно никогда не постареть. Мой папа всегда говорил маме, что человек постареет тогда когда сам решит. С такими родителями я никогда не решусь постареть. Я скучаю по ним, но все же хорошо, что я стала жить отдельно. Помню когда я начала собирать документы для переселения в Германию, они даже не могли поверить в серьезность моих намерений. А когда убедились, то мало верили, что у меня это получится. Но все получилось и вот я тут, со своей странной кузиной Барбарой, которая вчера ни с того ни с сего обиделась на меня. До сих пор не возьму в толк, зачем так сердиться? Я ведь просто хотела поделиться чем-то вкусным с соседом. Так все делают. Ну или по крайне мере так всегда делали мои родители. Она дулась на меня весь день, но вечером сама пригласила меня попить с ней кофе.

– Тебе нужно научиться понимать здешнюю культуру и этикет. – сказала она. – Здесь все не так, как в России. Ты наверное привыкла к выражению «Россия – щедрая душа», но немцы – скряги. Они не любят, делиться. Не приветствуют, когда кто вторгается в их частную жизнь, и сами предпочитают оставаться в стороне. Лукас- настоящий немец. Не ходи за ним, и не пытайся с ним общаться. У нас даже на работе все его избегают. До того он со странностями.

Я не стала с ней спросить. Хотя чего уж тут скрывать: я была с ней совершенно несогласна. Пусть понимание о культуре и этикете у всех разное, но ведь мы все люди. Все мы ходим под одним солнцем, и нам всем хочется человеческого отношения к себе, несмотря на нацию и культуру. Нам хочется уважения, любви, нежности и понимания. Разве не так? Барбара тоже хоть и делает вид, что сильная и грубая, но ведь на самом деле такая же ранимая женщина, которая спряталась под своим панцирем. Все у нее ублюдки под дерьмовой корочкой. Я замечала, что люди, которые всех винят, на самом деле и себя толком не могут нормально воспринять. Барбара ведет себя как бунтарка. Она все делает против общества. Одевается экстравагантно и вычурно, как японский подросток, стрижется как непонятно кто, ведет себя дерзко. Всем своим видом показывает, что ей плевать на мнение общества. Но я заметила: часто тот, кто говорит, что ему плевать на мнение других, просто защиается этими словами от критики, которая сыплется на него, и на которую ему далеко не все равно. Ведь человек, которому действительно все равно, не будет так агрессивно относится к негативным словам общества. Каждый имеет право высказать свое мнение.

Может быть потому что я так думала, и потому что меня так научил мой папа, я и веду себя так. Веду себя так, как не положено себя вести девушке, которой уже двадцать пять. Но люди говорили и будут говорить. Все в этом мире сумасшедшие по своему, и я не исключение. Мне может даже нравится быть немного тронутой умом. Люди привыкают к тебе такой и потом уже не требует от тебя стандартных поступков и не упрекают за небольшую ненормальность. Мама всегда хотела отучить меня от этого, но папа позволил мне расти со своим взглядом на мир и своим пониманием ко всему.

Где бы мы не были, я была счастлива. Потому что мне всегда было позволено быть собой. Папа давал мне целый простор для моей неугомонной фантазии и любопытству. От него я никогда не слышала фраз типа «Веди себя как нормальные человек», «Что скажут люди? Ты об этом подумала?», «Как нам теперь с мамой смотреть в глаза людям?» и так далее. Нет, так не было. Вопросы, которые задавал мне папа были такими: «Как ты думаешь это хорошо?», «А тебе бы понравилось если бы с тобой так?» «Что говорит тебе твоя совесть?»

Папа научил меня слушать голос совести и незамедлительно исполнять то, что она диктует. Папа тоже слушает голос совести. Когда он гуляет по супермаркету и видит упавший с полки товар, он не проходит мимо как все, но поднимает и кладет на место. Он всегда уступает место больным и старым. Помогает в метро женщинам с колясками, или большими чемо-

данами. Папа не врал ни мне, ни маме. Он так чуток к голосу совести, потому она у него крепкая и голосистая. Она говорит с ним и он никогда ее не игнорирует. Однажды он сказал, мне что совесть – это как чуткий и ранимый зверек. Он может говорить, грызть, не давать спать. Но пока он говорит с тобой и ты слышишь его голос, ты остаешься человеком. Но если систематически игнорировать ее замечания, то вскоре ее голос станет слабым и он может замолчать навсегда. Это и называется прожженная совесть. Я видела с детства, как мои родители старались слышать голос совести. Мама даже говорила мне, что через совесть с нами может говорить сам Бог. Чем чище совесть, тем я сильнее слышишь голос Бога. И я хотела слышать его голос. Хотела, потому что мне это было важно.

Я не знаю как так получилось, что я стала верующей. Я смотрела на папу и маму, и видела, что они не такие, как все; не такие, как другие родители. Они не ссорились, не кричали друг на друга. Они не говорили плохо о других людях, не насмехались. Они не убеждали меня в том, что Бог есть и нужно в него верить, а иначе что-то плохое случится. Я даже не помню, чтобы они заставляли меня читать библию и молиться, как делали другие родители в церквах. Просто мама всегда вставала в четыре утра, удалялась в другую комнату и там молилась. Папа вставал чуть позже и тоже присоединялся к ней. А я, укутавшись в одеяло, шла за ними, ложилась рядом с мамой на молитвенный ковер и спала дальше под ее приятное бормотание. Вечером они вместе читали библию и пели гимны. Когда я стала понимать слова песен и до меня стал доходить их смысл, я стала задумываться. Задумываться о Спасителе, о том что Он сделал. Я спрашивала папу: «Папа, а почему ты веришь в Бога? Вдруг Его нет.» Папа отвечал, что каждый должен сам для себя решить есть ли Он или нет. Никто не сможет заставить человека верить и любить. Но папа всегда говорил, что вера и любовь – это не чувства, это решение.

Как-то раз к нам в дом пришла беда. Мне тогда было уже восемнадцать лет и это был мой первый год в университете. Папа и мама всегда любили друг друга, но однажды ночью я проснулась от маминых всхлипываний. Мне хотелось знать. Я всегда была любопытной. Пробравшись к их порогу, я прислушалась. Меня удивило то, что я услышала. Мама плакала, а папа говорил ей: «Ты всегда была для меня единственной, и я хочу чтобы так и оставалось. Я не знаю, когда это началоь и как, но я чувсвую, что меня все сильнее и сильнее к ней тянет. Я постоянно ищу с ней встреч. Так дальше не может продолжаться. Это как наваждение, я и уже чувство что слабею, и не могу с этим справиться сам. Пока не зашло все слишком далеко, я прошу тебя помочь мне. Пожалуйста, положи на меня руку, помолись за меня. Я знаю, что тебе больно, что тебя это ранит, но, пожалуйста, не оставляй меня. Не бросай меня в моей слабости. Помоги мне. Давай, месте возьмем пост, будем молиться, я буду каяться. Это уйдет, но я чувствую, что не могу с этим бороться я в одиночку»

Папа плакал, и мама тоже. Я вышла из своего укрытия и стала молиться за них. Тогда ко мне пришло полное осознание, что Бог есть и только Он нам может помочь сохранить семью. Папа рассказал маме правду, только потому, что верил, что от Бога не срыть ложь. А мама не бросила папу, только потому что верила, что Бог сочетал их. И я тоже поверила по-настоящему и искренно, потому что мои родители не повели себя как все взрослые: папа не скрыл своего преступления, а мама не закатила истерику и не выгнала его. Я опустилась рядом с ними на колени и начала молиться. Молилась искренно и горячо. Я молилась с верою в то, что Бог есть, что он нам поможет. Через месяц мы уехали в Новосибирск. Папа какое-то время еще болел внутренне, и мама тоже. Но они поддерживали друг друга. Понемногу тень опала с лица папы, и отношения в нашем доме стали еще крепче.

Вот так я росла: в полном доверии, любви, взаимопонимании. Мне важно мнение родителей, как и им моё. Мне не привычно было врать, не привычно было лукавить. Может быть потому общество не принимало меня. Но все равно, я никогда не чувствовала себя одинокой. Ведь если бы я захотела, то уже давно нашла бы себе друга, или парня. И даже бы вышла замуж если бы захотела, но пока что во мне не возникало таких желаний. Но для меня не было

ничего зазорного в том, что я каждый день ждала своего учителя Лукаса после занятий, чтобы пойти с ним домой. Нам ведь все равно по пути. Тем более он ведь учитель. С ним я могу много говорить по-немецки. Я выучу этот язык быстрее, тогда я смогу найти хорошую работу. Но чтобы он чувствоал, что я его бесплано использую его труд, я просто каждое утро готовила, что-нибудь на завтрак и приносила ему. Иногда он брал, иногда просто закрывал передо мной дверь. Но это ведь не так просто, от меня отделаться. Поэтому ему приходилось принимать мои завтраки.

Я слышала, что если что-то делать сорок дней подряд, то это потом входит в привычку. Я надеялась, что через сорок дней он тоже привыкнет ко мне и перестанет избегать, игнорировать, молчать в ответ. После занятий, когда все уходили, я делала уроки в пустом классе, потом принималась за уборку. В половине четвертого у Лукаса начинался урок лепки, и я как раз в это время спускалась к нему. Уютная теплая мастерская с запахом свежей сырой глины, огромной красной печью в углу, причудливыми фигурками на стеллажах. Все это словно окунало меня куда-то в незримый мир. Все тут было как-то под другому: как в сказке. Приглушенные цвета, стены теплых оттенков, печь цвета обожженного кирпича, запах сырой красной глины, который напоминает молоко. Все здесь было как-то первобытно, как в пещере, словно я уносилась далеко от этой шумной цивилизации. Учеников было не так много, если занятие вел Лукас. Всем было с ним скучно, а я вот находило его общество очень приятным. Он все делал молча: если исправлял изделие, то делал это без лишних замечаний и сарказма. Поначалу нас было шесть: Нина из Грузии, Ильгиз из Киргизии, Фуртуна из Эритреи, Алекса из Мексики, Елена из Молдавии, Йохана из Хорватии и я – Хини из России. Лукас вел лепку два раза в неделю. Мы как новички поначалу должны были лепить простые фигурки, как например кошек, или грибочки. «Руки должны привыкнуть к глине – сказал он. – Нужно ее чувствовать, чтобы что-то из нее творить.» Лукас сидел за гончарным кругом с засученными по локоть рукавами и сквозь, как всегда, опущенные веки неподвижно смотрел на то как вырастает под его руками очередной горшок. Горшки у Лукаса были самыми аккуратными и красивыми. Барбара умела лепить лебедей, деревья, медведей и пепельницы, Но на гончарном круге так ловко мог работать только Лукас. Его горшки, кувшины, тарелки потом выжигали в печи, покрывали краской и продавали на флормаркете два раза в месяц. Продавали их разные представители школы. Иногда кто-нибудь из преподавателей, иногда сами ученики.

Я могу часами глядеть на то, как плавно кусок глины превращается сначала в гладкий блестящий комок, а потом в причудливую чашу. Под приятное гудение мотора, из-под чутких рук матера выростала тонкостенная ровная ваза, цветочный кувшин, или же горшочек для мёда как у Вини-Пуха. Когда мы смотрели как Лукас по спирали вытягивает гибкую глину, превращая ее в произведение искусств, то нам всем казалось, что это легко и просто. Но на деле оказалось, что все было нет так. Стоило нам коснуться глины, и завести моховик, как брызги летели во все стороны и вместо кувшина под руками расползался комок грязи. Мало у кого было столько терпения, чтобы довести это дело до ума. Поэтому вскоре все покинули Лукаса с его гончарным кругом, оставив его в желанном одиночестве. Всем пришлось больше по душе лепить деревья, пепельницы, животных, вместе с Барбарой, которая всех смешила, рассказывая интересные истории. Но я осталась с Лукасом. Отчасти потому что мне хотелось научиться делать кувшины, отчасти потому что мне нравилось его молчаливое общество. Его молчание как-то зачаровывало и притягивало, но за всей этой холодностью скрывалась волнующая нежность. В нем была тайна, которою мне хотелось разгадать как любой любопытной женщине. Может это даже было не пустым любопытством. Но каждый раз после занятий я спешила привести классные комнаты в порядок, полить цветы, помыть туалеты, чтобы снова запереться в той тихой мастерской с молчаливым мастером. Пытаться снова и снова на гончарном круге повторить то, что делает он. Пока что у меня плохо получалось, а Лукас мог только словами направить меня. Он даже не смотрел в мою, строну когда говорил со мной. Ну это для него нор-

мально, так что я даже не думала огорчаться. В дни когда у него не было лепки, я быстро справлялась со своими обязанностями и ждала его в коридоре, чтобы вместе пойти с ним домой. А когда у него была лепка, то после занятий с ним, мне приходилось задерживаться, чтобы прибраться еще и в мастерской. А он тем временем смывался так быстро, словно и духу его в не было. Он никогда меня не ждал, и в такое дни я шла домой одна, что тоже не плохо. Ведь как раз по средам и пятницам я решила ужинать вместе с Матиасом. Уж он то в отличие от Лукаса и Барбары с удовольствием делит со мной простые беседы, отвечает на все вопросы. Единственный нормальный немец в округе. Потом я ехала домой и учила новые слова. Я всегда учила их по карточкам в поезде, когда ехала одна. А если была с Лукасом, то пыталась с ним разговаривать на немецком. Он, конечно, мне никогда не отвечал, но я все равно делала попытки, терпеливо и последовательно.

Учиться говорить на не родном языке ни так просто. Для это нужно время, тренировка и хороший собеседник. У меня появилась подруга Йохана их Хорватии. Девушка лет двадцати трех. Она приехала во Франкфурт со своими родителями. За всю свою жизнь она трижды поступала в высшее учебное заведение, и всякий раз бросала, так как понимала, что это не ее. Йохана очень талантливая. Она хорошо рисует, пишет комиксы, много читает. Из-за последнего увлечения мы с ней и сошлись. Она читает русскую литературу, и у нее почти такие же предпочтения что и меня. На перерывах мы с ней много беседуем именно о книгах. С ней легко и интересно. Мы переправляем друг друга, и стараемся улучшить наше произношение вместе. Йоханна без ума от азиатской культуры. Может часами смотреть корейские сериалы, и реветь в унисон с актерами. Мне это сложно понять, но все равно я нахожу это забавным. Но дальше школы наша дружба с ней распространялась.

За пройденные два месяца я поняла, что в нашей группе очень много тех, кто просто не любит Россию и все что с ней связанно. У беженцев из Сирии на то были свои причины, у грузинки Нины свои. Даже Барбара не любит Россию. Как-то на занятии у нас развелась небольшая дискуссия. Мы уже были в состоянии вести несложные беседы, высказывать свое мнение. Получалось немного коряво, но вполне понятно.

– Вот ты с России, вот скажи мне, что ты думаешь о президенте Путине? – спросила меня Нина.

Я пожала плачами.

– Я не люблю политику, но Путин мне нравится.

После этих слов по классу пробежался гул негодования. Сначала все смолчали, и Барбара вежливо заявила, что мы все должны быть толерантными ко всему, и вообще темы о политики и религии в классе запрещены. Но потом зачем-то взяла и добавила;

– Хотя я тоже считаю Путина редкостным деспотом, но все равно это не тема для обсуждения.

Как только она это произнесла, все будто бы оживились. У всех словно негласно появилось право осуждать президента России, и скалиться на меня за то, что я придерживаюсь другого мнения. Во Франкфурте часто бывают заболотовки, и иногда я вижу плакат Путина, которые носят и задирают выше своих кудрявых голов беженцы из Сирии, и что-то выкрикивают. Короче, мне пришлось не легко просто потому что я с России и защищаю своего президента. Несколько раз Нина пыталась переубедить меня, ради этого она даже перешла на свой ломаный русский во время занятия. Они с Ильгизом часто обсуждали Россию, Советский Союз, Сталина и все такое. Нина открыто заявляла, что ненавидит Россию со всеми ее порядками. Что из-за Советско Союза в их Грузии все было разрушено. Я не вмешивалась в их разговор, хотя она часто поглядывал на меня, будто бы провоцируя.

– Ну скажи, почему тебе нравится Путин? – не унималась она. – За что его уважать?

– За что мне его не любить? – ответила я – В России при всем нынешнем раскладе уже давно могла бы развязаться война, но президент терпит, и старается решить все человеческим

способом. Много вокруг интриганов и провокаторов вроде вас, но он умнее. Поэтому мне он нравится. А уважаю я его потому, что каждый человек достоин уважения. Вот и все.

– Если ты его поддерживаешь, значит ты такая же деспотичная, как и он. – выплеснула она мне в лицо.

– Возможно. – ответила я, и отвернулась.

У меня не было желания продолжать эту беседу, но Нина не унималась.

– Вся моя семья ненавидит Россию. Все говорят, что Советский строй все разрушил. Для нас это были потери. Спроси даже у сирийцев она тебе скажут. Все знают, что в России плохо.

– Ты была там хоть раз? – обратилась я к ней.

– Нет и не хочу. – фыркнула она.

– Тогда откуда такие сведения?

– Все так говорят. Спроси любого

– Ты только послушай себя. – едва сдерживаясь, сказала я. – «Все говорят», «Мне сказали», «Я много раз слышала». А голова тебе для чего дана? Только чтобы лицо твоё милое носить? Ты что не в состоянии сама разобраться и построить свое собственное мнение. Ты как маленькая. Мне даже спорить с тобой стыдно. Так что оставь меня в покое.

Я отвернулась, и тут она назвала меня так, как впоследствии меня все и называли, кроме, конечно, Йоханы.

– А ты прямо такая умная. – выругалась она уже на немецком. – Поэтому ты носишься за нашим чокнутым Лукасом как хвост. – произнесла она снова на русском, а потом насмешливо выплюнула; – Scwänzchen.

Все поняли что она имеет виду и тут же разразились хохотом. Позже Йохана сказала, что за спиной они уже давно меня так окрестили. «Швэнцхен» называли они меня, что значит в переводе на русский «хвостик»

В этот момент снова зашел Лукас, и все притихли. Ну и пусть называют, как хотят. Я задаю себе вопрос как учил меня папа «Хотела бы я чтобы так со мной поступали?» И я не нашла ничего плохого в том, что я хожу за Лукасом как хвостик. Разве я его обижаю? Он ведь сам ни разу не сказал мне вслух, чтобы я оставила его в покое. Вот если бы сказал, то я бы еще подумала.

Глава 4

Лукас

Похоже Хани гнобят только потому что она из России. Ну что ж, если учитывать нынешнее положение в мире, то это не удивительно. Она все проследует меня. Ходит за мной как хвост. Ее уже даже стали так обзывать. Но по ее лицу не было даже заметно, что она оскорбилась. Я вышел, чтобы сделать ксерокопии, а когда вернулся, то услышал как эти двое из Грузии и Киргизии демонстративно громко прыскались на русском.

– Явился, не запылился, зануда чокнутый.

Киргизец рассмеялся, а грузинка продолжила;

– Бесит меня его взгляд. Всегда смотрит на всех свысока. Будто бы он ариец из голубой крови сделан.

– Расит долбаный. – добавил киргизец – Все равно немцы расисты как ни крути. Если бы в их крови этого не было, то они бы ни за что не подчинились такому диктаторству при второй мировой войне.

Они избегают называть имена, чтобы окружающе не догадались о чем идет речь. За все это одинокое времяпроводения в Германие, я уже отучился даже думать на русском, но это не значит, что я перестал его понимать. Никто никогда не знал, что я говорю по-русски. Я всегда скрывал свое происхождение. И за это время много чего успел наслышаться от своих русскоговорящих студентов и коллег. Они многократно меня поливали грязью, и я к этому привык. Зато они часто говорили, что я красив как черт. Тоже не плохо, хотя я и не стремлюсь быть у них в почете. Пусть говорят обо мне, лишь бы оставили меня в покое. В это раз было по другому: маленькая фигура соседки резво поднялась со стула.

– Закройте рты, бессовестные! – гикнула она на русском, ударив ладошками по столу. – Чем вы занимаетесь весь день? Только и делаете что обсуждаете президентов и преподавателей. Только позорите себя, свою страну и родителей!

– О, – протянула грузинка. – Швани, ты что так взъелась? – саркастично хихикнула она.

– Да, она влюбилась в этого чокнутого. – усмехнулся киргизец, уверенный в том, что я их не понимаю.

– Ха-ха. Пара чокнутых.

– Вы показываете себя как слабая и трусливая нация. Вы только и делаете, что обсуждаете правительство и всех кто выше вас по званию. Теперь все кто с вами встретиться будут думать, что грузины подлые, а киргизы трусы. И пусть это неправда, но из-за вас все будут думать о вашей нации именно так. Мозгов у вас совсем нет, идиоты безмозглые. Вы в чужой стране, плюете против ветра. Не смейте так говорить о нем. Он умный и образованный!

Пришлось безразлично подняться с места и чуть постучать по парте маркером, чтобы привлечь внимание и прекратить весь этот балаган. Все умолкли и занятие продолжилось. Смешную соседку с того дня все называли Швани, сокращенно от обидной клички «Швэнцхен». Даже я в мыслях называл ее именно так. Интересно то, что сокращенная форма «Швэнцхен» приобретала совсем другое значение. «Шван» – так звучит на немецком лебедь. А значит можно сказать, что ее все стали называть лебедкой, а это уже не так обидно.

Сегодня мы проходили модальные глаголы. Спрягали их, и учились употреблять их в речи. После уроков, меня у входа снова настигла Швани.

– Ich möchte gern spazirengehen. (Я бы с удольствем прогулялась) – сказала она мне. – Lukas, möchtest du spazirengehen? (Лукас, а ты хотел бы погулять?)

Я равнодушно прошел мимо нее. По крайней мере мне хотелось казаться равнодушным, хотя что-то все же во мне переменилось по отношению к ней. Не то чтобы меня тронуло, что

она заступилась за меня, а хотя может и это тоже, но больше всего меня удивило, что она даже после всех разговоров, продолжает ходить за мной.

Барбара

Господи, она сведет меня в могилу. Хани вчера сказала Утэ, что она моя кузина. Зачем спрашивается мы ходили с ней в школу по отдельности. Сказала же, чтобы она держала язык за зубами. Утэ та еще ворона. После обеда уже вся школа знала, что эта мышка, которая ужинает по средам и пятницам с каким-то бомжом рядом со школой, моя кузина. И начались тут расспросы, насмешки. Сегодня как раз выходной день, и я не пожалею своих сил выстругать эту болтунью, за все что она творит.

– Прекрати мотаться по всяким бомжам! – выругалась я, как только Хани переступила порог кухни.

– Матиас не всякий там бомж. Он умный и веселый. И вообще он не бомж. У него есть работа. Он продает газеты. Я уже говорила. Скоро ему выдадут социальное жилье. Он просто ждет. Сама знаешь какая тут бюрократия и очередь на жилье. Так что он временно бомж. – тараторила Хани.

– Тогда зачем ты сказала Утэ, что ты моя кузина?

– Я сегодня оплачивала третий модуль, и она поинтересовалась почему у меня с тобой одинаковая фамилия. Она спросила уж не родственница ли я тебе? Что мне оставалось делать? Я и сказала правду. А что такого?

– А то, что ты кормишь бомжей, бегаешь за Лукасом как собачка, тебе это ничего?

– А что в этом преступного? Разве вы немцы не отличаетесь либеральностью взглядов? Я не бегаю за Лукасом. Мы просто ходим вместе домой. Он не против.

– Он сам тебе это сказал?

– Нет. Но он не сказал, что ему не хочется.

Во мне снова начинал кипеть гнев.

– Scheiße, scheiße, scheiße! – плевалась я. – Лукас ни с кем не хочет общаться. Все это знают. А ты навязываешься. Еще только третий месяц как ты в этой школе, а все только и делают, что смеются над тобой.

– Ну и пусть смеются. Может им весело. Почему бы не посмеяться. – закрыв лицо руками, сказала Хани.

Пришлось выдохнуть и успокоиться. Если сейчас она начнет плакать, то я буду корить себя за это всю ночь.

– Хани, детка. – сказала я так мягко, насколько позволил мне севший голос. – Они ведь смеются над тобой. Нет смыла за ним ходить. Он не такой мужчина как все. Я тебя познакомлю с другими парнями. Пожалуйста, прекрати за ним гоняться.

Хани замотала головой, и до меня донеслись ее короткие всхлипы.

– Я устрою экскурсию всему классу на следующей неделе и расскажу историю нашего города. Мы сходим в музей. Я не уделила тебе внимание. Ты из-за этого так себя ведешь.

– Нет. – всхлипнула Хани. – Мне он почему-то нравится. Сначала я думала, это просто игра. Думала это весело…

– Хани, но он ведь чокнутый. Все это знают.

– Ну и что. Мне может быть нравятся чокнутые.

Я приобняла ее, и попыталась успокоить. Такое чувство будто бы она подросток, а строгая мама, которая не пытается понять первые чувства своего ребёнка.

– Хани, это что, твоя первая любовь, что ты так ревешь? – с сомнением в голосе спросила я.

Она снова замотала головой.

– Нет. Не знаю. А может это и не любовь вовсе. Может быть ты права.

Мне вдруг стало жалко эту девчушку. Не понимаю как я могла быть с ней груба. Она ведь еще совсем ребенок.

– Собирайся. – решительно сказала я.

– Куда? – замигала она глазами.

– Мы пойдем гулять по городу. Нам нужно торопиться, потому что после обеда в центре будет уйма народу.

Глаза Хани тут же просветлели. И мне снова стало стыдно за то, что я вела себя с ней так будто она одна из тех бывалых женщин которые меня окружают. Не знаю как ей удалась вырасти до такого возраста и сохранить в себе невинного ребёнка. Я уже даже больше не сомневаюсь в том, что Ульрих с Бану растили ее в аквариуме или в пещере.

Мы вышли из дома в десятом часу утра. Погода на улице была сырая, но солнце уже пригревало по весеннему. На дворе стояли первые дни апреля. Весна в нашем городе ленивая, и короткая. Но воздух в это время пьянящий. Все вокруг расцветает. По дорогам между деревьями снова замельтешили белки, в парках повысовывали свои носы бурые кролики. Иногда эти кролики выпрыгивают чуть ли не на дорогу. Но самое разодолжающее весной – это птицы. Начиная с марта они так шумят, что спать не дают. А вот Хани, напротив, находит это таким принятым. Каждое утро просыпается с рассветом и выходит на балкон, чтобы послушать это беспечное чириканье. Вот и сейчас такой звон стоял на улице, что хоть уши затыкай.

Мы миновали небольшой лесок, рядом с домой, и уже начали подходить в железной дороге. Станция Хессен-центр.

– Барбара, а почему у тебя нет собаки? – спросила Хани. – Тут куда не глянь, повсюду люди с собаками.

– Мне нравятся мои свинки. – ответила я, вдыхая лесной воздух полной грудью.

– А можно мне завести собаку? – чуть помолчав, осторожно спросила она.

Будь на ее месте кто-нибудь другой, я бы тут же разорвала его на месте за такое предложение. Собака в моей квартире? Уж извольте! Но это была Хани. Женщина, которая постоянно выносила мне мозги, но к чьим причудам я постепенно стала привыкать, и даже не заметила с какого момента она стала мне нравится. А еще мне было ее жаль. Не знаю почему. Может быть потому, что она такая несимпатичная. Несколько раз я видела, как она делает попытки выглядеть лучше: наносит серые тени на глаза, и даже пыталась покрасить волосы. Но все равно она остается дурнушкой. Я даже не знаю как в этом ей помочь. Ну ведь в конце концов это не так важно. Зато она умная и память у нее отменная. Найдет она свое счастье и забудет навсегда этого Лукаса. Нужно просто чуть отвлечься. Может быть собака это не такая уж и плохая идея.

– Но смотри, если она будет срать на мои половики, или хотя бы что-то сгрызет в квартире, то ты со своей собакой отправишься к Матиасу с матрасом в придачу. – угрожающе прошипела я.

Что тут было! Она как кинулась мне на шею. Расцеловала в обе щеки. Терпеть не могу эти прикосновения, но я даже не успела ей возразить.

– Обещаю, Барбара. Она будет самой послушной. Я буду гулять с ней по этому лесу. Буду воспитывать. Честное слово!..

Боже, как она вопила от счастья. Детский сад какой-то.

Лукас

Я сидел в пустой квартире, привычно листая книгу. Я ждал. Чего ждал? Зачем ждал? Но за последние месяцы я так привык, что густую тишину в моей квартире обязательно должен прорезать гулкий стук в дверь, и этот звонкий голос. Она привыкла, что звонить в звонок как все цивилизованные люди бесполезно. Поэтому она сразу начинала со стука, а потом переходила и на крик.

– Лукас! Завтрак! – безапелляционно кричала она.

И кричала бы так до тех пор пока я выйду, или пока фрау Шнайдер, не начала бы браниться своим трухлявым голосом.

А сегодня тихо. Время пробило семь, восемь, девять. Нет ее, нет завтрака. А я сердился на себя за то, что жду. Потом я услышал знакомые шаги и голос. Невольно я стал прислушаться. Но шаги спускались. Как на пружинках меня подкинуло с дивана. Я встал со своего места против совей воли и направился к окну. И что я там делал? Я подглядывал. Подумать только. Отроду не занимался ничем глупым. Я почему-то хотел убедиться что это она. И не ошибся. Она вышла в сопровождении с Барбарой. Куда они пошли в такое время, да еще вместе. Разве Барбара не печет сегодня блинов, или овсяных печеней. Что это с ними? А где же мой завтрак? Вдруг мне сало стыдно за такие мысли. Я фыркнул нас себя и с раздражением отошел от окна. Вообще-то у меня есть чем позавтракать. Просто почему-то нет настроения.

Хани

Это был просто чудо, а не день. Барбара сама повела меня на прогулку. Она сама мне предложила. Мы прошлись с ней по центру города. Она наконец растолковала мне что это за здания на площади Рёмер. Она рассказала, что старой ратуши уже более шестисот лет. Потом мы поднялись по бесконечно винтовой лестнице на высокую башню святого Варфоломея. Пока мы поднимались, я раз сто пожалела, что сунулась в эту башню, еще и семь евро за это отдали. Я думала, что это будет длиться вечность. Узкие лестничные проходы, скупой свет, проползавший сквозь маленькие окна. А завитки лестницы, тянущейся верх по спирали, были такими частыми, что у меня закружилась голова.

Но когда мы вышли на балкон, я в миг забыла о своих страданиях. Невероятный вид открылся перед нами. Отсюда был виден весь город и его ближайшие соседи. Франкфурт – город небоскребов. Богатый и современный. Вот он: центральный европейский банк. Упирается в небо, переливается на солнце как зелено-голубой аквамарин. Многочисленные отели, круглые, продолговатые, заостренные как пики. Стекла зданий подобно ярко-голубому циркону, играют с бликами солнца как ожившие грани. Под нами змейками стелились здания офисов, площадей, крупные магистрали. Серебристые здания, вкрапленные между улицами лесочки и парки, голубая плоска реки, все это создавало целый калейдоскоп цветов и оттенков. Голова кружилась от такой красоты. Воздух тут был еще чище и прохладнее. Проказливый ветер охлаждал наши запотевшие шеи и спины.

– Давно я тут не была. – задумчиво произнесла Барбара, глядя на то как лениво ползет река под нами.

– А когда в последний раз? – спросила я.

Барбара задумалась, словно роясь в уголках свой памяти.

– Девятнадцать лет назад. – ответила она.

Цифра была пугающей. Я порой забываю, что Барбара уже давно живет на этом свете, что этой осенью ей должно исполниться аж сорок лет.

– А с кем ты тут была? – поинтересовалась я.

Барбара напрягалась. Я это поняла потому, как дрогнули ее губы, будто были готовы искривиться от отвращения.

– Извини, все время забываю. Вы немцы не любите когда, кто-то лезет в вашу частую жизнь.

– Да. Не любим… Когда это делают посторонние люди. Но ты ведь кузина.

Она опустилась на каменную лавочку и сложила ноги крестом как на турецком ковре.

– Мне тогда было двадцать. Ужас, как подумаю так мороз пробирает. Неужели это было так давно.

– Я думала ты о таких вещах мало беспокоишься. – сказала я, примостившись рядом с ней.

– Почему? Я что, не человек? У меня такие же страхи, такие же мысли.

– Просто ты так молодо выглядишь, и я думала ты с гордостью говоришь всем свой возраст. И вообще ты похоже всем довольна. Ты состоявшаяся личность. У тебя есть хорошая работа, друзья, чувство юмора. Тебя постоянно окружают студенты. Думаю ты уже знаешь, что у многих ты – любимый учитель. Тебя все выделают, сравнивают с другими. Ты всем нравишься. Что еще нужно?

– Вот смотрю на тебя и думаю, ты правда такая наивная, или же только делаешь вид. Мне порой кажется, что ты притворяешься.

Я засмеялась. Барбара достала сигарету.

– Тут же нельзя курить. Это ведь собор. – сказала я.

– Вот дьявол.

– И ругаться тоже нельзя.

– Ты что моя мама?

Я улыбнулась.

– Расскажи о себе.

– Что ты хочешь знать. – задумчиво произнесла она, устремляя свой затуманенный взгляд вдаль.

– Где ты родилась? Где твои родители? Как ты росла? Как решила стать учителем? Почему ты до сих пор не вышла замуж?

– Оу, полегче с вопросами! Ты что-то разошлась. – сипло хихикнула она. – Я на такие личные вопросы даже маме не стала бы отвечать.

– Ну я ведь не мама. Мне можно.

Барбара покрутила сигарету и отправила ее снова в пачку и в карман.

– Родилась я Мюнхене, правда совсем не помню этот город. – начала она. – Мама моя тоже русскоговорящая немка. А папа – чистый немец. Мы с мамой сбежали от него, когда мне было десять лет. Редкостный подонок он был. Изменял маме направо и налево. Однажды я пришла со школы, а мама лежит на кухне. Нога вся в крови. Он ножом ей бедро порезал. Я скорее звонить в скорую. Наложили ей швы, и пока она спала, я сама позвонила в полицию. Рассказала все как есть. От себя добавила, что он лупит меня каждый день. Хотя этого не было. В общем забрали его. Закрыли… Мы с мамой переехали в Берлин. Больше я его не видела. Слышала, что он спился и стал бомжом как этот твой Матиас. Я в каждом из них вижу своего дурного отца. В Берлине мы с мамой хорошо зажили. Я взяла ее фамилию, и будто новым человеком себя почувствовала. Когда мне исполнилось пятнадцать я встретила свою первую любовь. Такая страсть была. Думала, что все у нас по-настоящему. Замуж так хотелось. Именно за него хотелось. Поэтому, как только мне восемнадцать исполнилось мы с ним во Франкфурт вместе переехали и стали жить вместе. Он был на пять лет старше меня. Единственный ребенок в семье. Избалованный, изнеженный. Родителей своих безумно почитал и любил. А училась я тогда вовсе не на учителя. Мечтою всей моей жизни было стать кондитером.

Барбара посмотрела на меня. Наверное хотела разглядеть на моем лице удивление или что-то подобное.

– Знаешь как это бывает. – после непродолжительной паузы сказала она. – Вот закрываю я глаза, вижу торты. Открываю глаза, и вижу торты. Еду в поезде, иду по улице, и вижу их. Вижу как я их украшаю, как мои руки в перчатках касаются теплой мастики, как воздушный белковый крем приобретает форму тюльпанов, как сладкий запах сахарной пудры подобно первому снегу ложится на глянцевую поверхность ватрушки. Каждую ночь в своих мыслях я варила горячий шоколад. Вытягивала из карамели упругие тонкие ленты, и мастерила целые дворцы. Я мечтала быть кондитером. Открыть свою лавочку. Я мечтала открыть эту лавочку с мужем. Думала будем вместе творить сладкие скульптуры… Думала дети будут наши бегать и помогать нам…

Барбара снова потянулась в карман, достала сигарету, покрутила ее в руках, понюхала, и продолжила.

– Но он не любил сладости, как и его родители. Они считали, что от всего мучного портится фигура, появляются морщины и пахнет плохо из-за рта. А я все равно пекла пряники, оладушки. Как-то раз пришла я домой пораньше после учебы. Мама его была у нас в гостях. Я заглянула на кухню и увидела как она беседуя с моим парнем, выбросила оладушки в мусорное ведро. «Такой едой только свиней кормить» – сказала она. Я была так раздосадована. Разразился скандал. Мама его настоящая змея. Притворилась оскорбленной и больной. Села на стул и плачет. Говорит, что как лучше хотела. «Нельзя – говорит – кормить моего сына такой едой. Этим даже скот не кормят.» А этот козел глазами хлопает: то на меня, то на маму. Потом говорит: «Ну правда, дорогая, не пеки ты больше. Я их все равно не могу есть. Ну не привык я к такой еде. К тому же у тебя это скверно получается. Не твоё это. Ну не твоё. Займись тем, что у тебя хорошо получается. Прошу тебя, любимая не расстраивайся. Я ведь как лучше хочу. Кто тебе еще правду скажет. Все только льстят, а за спиной смеются. Не умеешь ты готовить, не страшно. Сейчас всего полно. С голоду не помрем.» Вот так… Потом мама его в слезах уехала, а мы с ним помирились. Только я стала замечать, что у меня и вправду все перестало получаться. То крем сворачивается, то коржи подгорают. Больно было смотреть на все это: на свои черные пряники, на каменные пампушки. Короче, я подумала и решила, что он прав. Не моё это дело. Забрала я документы из этого училища и поступила в университет. И все ради него. Он ведь у меня был образованный. Профессором хотел стать. Мои ватрушки и близко с его возвышенными целями не валились. Стала я учить дидактику, герменевтику. Тортики мои мне все еще снились, только какие-то кособокие. Прошло время и я стала забывать обо всем. Забывать о своей деткой мечте, о той обиде, которую нанесла мне его мама и он сам. Мы стали питаться здоровой едой. Я тоже стала следить за уровнем нитратов, покупать продукты только в биомарекете. В общем, зажили мы с ним душа в душу. Мне даже смешно стало, что между нами могли стоять какие-то тортики. С ним мы поднялись сюда в первый раз. Здесь он предложил мне быть его женой. Я была так счастлива. Любила его до беспамятства. Разревелась тут от счастья. Господи, неужели я была такой сопливой дурой? Планировали пожениться через года три или четыре. Когда до свадьбы оставалось ждать всего год, папа его сильно захворал. Так что ему снова нужно было ехать в Берлин. Он даже тогда вещей с собой не стал много брать. Говорит, что через неделю вернётся. А на вокзале он взял меня за руку, заглянул прямо в глаза, и говорит такой на полном серьезе: «Обещай, что ты будешь ждать меня. Обещай что будет жать чтобы не случилось. Вот что бы не случилось, ты просто жди меня.» Я рассмеялась. Показались смешными такие сентиментальности. К чему они? Ведь он все равно через неделю вернется. Но он смотрел на меня очень серьезно. Так что я положила правую руку на грудь и торжественно произнесла: «Буду ждать тебя хоть всю жизнь. Чтоб не случилось я буду тебя ждать.» А потом он уехал, и это было в последний раз когда я его здесь видела.

Повисла пауза. Туристы ходили мимо нас, щелкая фотоаппаратами. Голоса звучали тут и там, но для меня казалось, что весь мир застыл в ожидании продолжения. Мне думалось, что вокруг нас повисла густая тишина, которую сложно пробить даже звоном колоколов. Я ждала. Барбара, провела костлявой рукой по своим коротким волосам. Колючий звук щетины, прорезал воздух.

– Папа его умер. Маме стало плохо. – наконец продолжила она. – пришлось за ней смотреть. Он устроился там на временную работу. По крайней мере он так мне говорил когда мы с ним созванивались. А потом мама его нашла ему там хорошую невесту. Я ей не нравилась. Знаешь что она говорила ему обо мне? Она говорила, что я не такая эффектная.

Слово «эффектная» она произнесла с насмешливым придыханием, чуть закатив глаза. Она несколько пронесла это слово, и каждый раз звук «ф» проскальзывал между двумя короткими и пафосными «э»

– Понимаешь. Я такая не эфэктная. Вся такая прямо не эфэктная. Поэтому она нашла ему такую, которая была от задницы до рта – эфэктная. Вот он на ней и женился. Я даже ради этого в Берлин поехала. Хотела свадьбу им расстроить. Приехала и ждала его у дома. Они были на каком-то светском приеме. И вот вернулись оттуда поздно. Он свою новоиспеченную из машины волочит, а она вся такая пьяная. Смеется, бормочет что-то под нос. Вот что значит быть эфэктной, понимаешь? А потом они поднялись по крыльцу и она там весь порог так эфэктно обблевала. Я посмотрела на весь этот театр, и просто уехала. Нет у нас с ним ничего общего. И если это в понятие его мамы хорошая партия для него, то пусть так и будет. Я вернулась во Франкфурт и выбросила все его вещи, сменила адрес, и зажила себе счастливо… Почти счастливо… Я ведь получила высшее образование, поэтому меня тут же взяли на работу. Вот так я зажила себе. Всем довольна. Но порой бывает, когда я замешиваю глину в нашей мастерской, то как ветхое пленка всплывают мои детские мечты. И тогда мне кажется что красная глина пахнет шоколадом, а желтая карамелью и фисташками. Порой когда никто не видит, я леплю кексы, печенья, двухъярусные торты. Теперь уже поздно что-либо менять. Я поняла, что предала свою мечту, и растеряла весь свой талант. Предала ради козла, который взял с меня обещание ждать, а сам так и не вернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.